

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

_____ И.В. Евсеева

« _____ » _____ 2023 г

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.01 Филология

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АОРИСТА И ИМПЕРФЕКТА В КИЕВО-
ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АРСЕНЬЕВСКОЙ И
КАССИАНОВСКОЙ РЕДАКЦИЙ)**

Научный руководитель

канд. филол. наук,

доц. Е.А. Кудрявцева

Выпускник

Г.В. Соколова

Нормоконтролер

Е.Е. Чернакова

Красноярск 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТЫХ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ	6
1.1. Литературный язык и литературная норма в Древней Руси XI – XVII вв.	6
1.2. Аорист и проблема его изучения	17
1.3. Имперфект в научном освещении	26
1.4. Вопрос о существовании простых претеритов в древнерусском языке	34
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	41
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОСТЫХ ПРЕТЕРИТОВ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ	43
2.1. Текстологическая характеристика Арсеньевской и Кассиановской редакций Киево-Печерского патерика.	43
2.2. Особенности употребления форм аориста	48
2.2.1. Значение форм аориста.....	48
2.2.2. Функционирование аориста от <i>быти</i>	55
2.2.3. Аномальные формы с глаголом <i>быти</i>	59
2.2.4. Формальные отклонения в употреблении аориста.....	61
2.3. Особенности употребления имперфекта	65
2.3.1. Значение имперфекта	65
2.3.2. Формальные отклонения в употреблении имперфекта.....	70
2.4. Соотношение простых претеритов и действительных причастий в редакциях Киево-Печерского патерика.....	73
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	84
ПРИЛОЖЕНИЕ А. Количественные показатели употребления аориста и имперфекта в Киево-Печерском патерике	89

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории русского языка является значимым для современной филологии. Работы, посвященные исследованию состояний языка в определенные периоды его развития не только позволяют воссоздать объективную картину происходивших в нем процессов, но и часто помогают лучше понять современные его особенности.

Актуальность работы обусловлена тем, что в настоящее время многие вопросы, связанные с изучением простых прошедших времен в древнерусском языке, не имеют однозначного ответа, несмотря на существование большого количества работ, посвященных рассмотрению этих проблем. Требуется дальнейшая разработка вопросов определения грамматической семантики аориста и имперфекта и употребления их в древнерусском тексте с точки зрения узуальной нормы.

Объектом исследования являются простые прошедшие времена в древнерусском тексте.

Предмет исследования – формальные и содержательные особенности функционирования простых претеритов в Киево-Печерском патерике.

Цель работы – описать особенности функционирования простых претеритов в Киево-Печерском патерике.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) изучить проблемы древнерусского литературного языка и языковой нормы;
- 2) рассмотреть основные подходы к изучению простых претеритов в древнерусском языке;
- 3) привести текстологическую характеристику анализируемых редакций патерика;
- 4) выявить формы простых претеритов в редакциях патерика;

- 5) рассмотреть особенности функционирования аориста и имперфекта в патерике;
- 6) описать формальные и семантические отклонения в употреблении форм аориста и имперфекта.

При работе с редакциями памятника были использованы следующие **методы**: метод сплошной выборки, применявшийся при выделении форм простых претеритов в тексте патерика; метод контекстного анализа, к которому мы обращались при интерпретации рассматриваемых форм; сопоставительный метод, применявшийся при сравнении данных разных редакций; и описательный метод, позволивший дать наиболее полную характеристику изучаемым в работе формам.

В качестве **материала исследования** нами были выбраны Берсеневский список Арсеньевской редакции и вторая Кассиановская редакция по спискам конца XV – начала XVI вв. Киево-Печерского патерика.

Новизна данной работы заключается в выборе материала с точки зрения изучения в нем форм аориста и имперфекта. В известных нам исследованиях Киево-Печерский патерик, как правило, рассматривается с литературоведческих, исторических, а также текстологических позиций, при этом функционирование в нем прошедших времен специально не изучается.

Практическая значимость заключается в возможности последующего использования материала работы в курсе «Историческая грамматика», а также для дальнейшего изучения особенностей функционирования простых претеритов в древнерусских текстах.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из Введения, теоретической и практической глав, Заключения, Списка использованной литературы и Приложения. Во Введении обосновываются актуальность темы и ее новизна, ставится цель и обозначаются задачи, методы и материал. Первая глава посвящена рассмотрению проблемы литературного языка Древней Руси и языковой нормы периода XI – XVII вв., анализу существующих подходов к изучению простых прошедших времен.

Во второй главе описываются особенности функционирования аориста и имперфекта в редакциях Киево-Печерского патерика, анализируются случаи семантического и формального отклонения в их употреблении.

Результаты исследования были представлены в виде докладов: «Особенности употребления имперфекта в Киево-печерском патерике» на IX (XXIII) Международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» 14 апреля 2022 г. – 16 апреля 2022 г.; «Особенности функционирования аориста в Киево-Печерском патерике» на XIV Международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» 21 апреля 2022 г. – 22 апреля 2022 г.; «Особенности замены кратких действительных причастий формами простых претеритов в Киево-Печерском патерике (на материале Арсеньевской и Кассиановской редакций)» на 61-ой Международной научной студенческой конференции (МНСК-2023) 17 апреля 2023 г. – 26 апреля 2023 г.

Результаты исследования также представлены в статье «Особенности функционирования аориста в Киево-Печерском патерике» в журнале «Siberia Lingua» (Вып. 2, 2022).

ГЛАВА 1. ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТЫХ ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Литературный язык и литературная норма в Древней Руси XI – XVII вв.

Вопрос о норме является одним из основных и при этом одним из сложнейших в области изучения языковой ситуации Древней Руси. Исследование механизмов ее становления и стабилизации до появления первых грамматик, закрепляющих языковые правила, представляется одним из важнейших путей для понимания природы литературного языка [Алексеев, 1987: 35]. Не менее дискуссионной является проблема становления и развития литературного языка, механизмов его взаимодействия с другими функциональными разновидностями языка. Однако прежде, чем перейти непосредственно к характеристике языковой ситуации средневековой Руси, считаем необходимым обратиться к понятиям «литературный язык» и «норма» применительно к современному периоду.

Современные литературные языки являются высшей формой существования национального языка, противопоставленной различным территориальным и социальным диалектам и отличающейся полифункциональностью, общеобязательностью, нормированностью и развитой стилистической дифференциацией.

Норма – одно из важнейших понятий для лингвистических наук и вместе с тем одно из наиболее сложных для толкования явлений языка. Интерес к этому феномену в той или иной степени поддерживался в разные периоды развития языкознания [Анисимова, 2010: 112]. С эволюцией науки, появлением новых направлений и накоплением знания подходы к пониманию нормы менялись. Языкознание знает множество определений понятия, разные типы и виды нормы становятся объектом всестороннего изучения современной лингвистики.

Н. Н. Семенюк трактует это понятие как «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации» [Семенюк, 1990: 337]. Исследователь выделяет два аспекта существования нормы: собственно лингвистический и социально-исторический, который проявляется в отборе и фиксации определенных элементов по критериям правильности/неправильности. Кроме того, она обращает внимание на два плана реализации нормативности: «норма как совокупность реально используемых в языке лексем, словоформ, языковых конструкций и норма как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств» [Там же].

Норма тесно связана с литературным языком, однако не принадлежит исключительно его сфере. Исследователи отмечают, что она свойственна любому языковому идиому от национального до диалектного. Так, Л. П. Крысин выделяет в лингвистике два подхода к определению нормы: широкий и узкий. Согласно первому, норма – это «традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов» [Крысин, 2017: 21]. В узком смысле данный термин употребляется для обозначения «целенаправленной кодификации языка» [Там же: 22]. Важным для понимания механизмов функционирования литературного языка ученый считал изучение особенностей соотношения таких феноменов как языковая система, узус и собственно норма. Узус – «использование языка в разных сферах человеческой деятельности, речевая практика» [Крысин, 2007: 6] – близок, по замечанию Л. П. Крысина, к широкому пониманию нормы. Ученый, таким образом, утверждает, что понятие нормативности характерно и для некодифицированных языковых сфер.

Важной характеристикой языковой нормы является ее историчность. С. К. Горбачевич отмечает, что в лингвистике долгое время существовало представление о норме как о статичном феномене. Однако она обладает

определенной динамикой, «отражающей поступательное развитие языка» [Горбачевич, 1989: 24].

В процессе эволюции языка меняется само содержание феномена нормы. Расхождения, закономерно существующие между установившейся нормой и ее реализацией, различаются по степени интенсивности в зависимости от этапа исторического развития данного общества и языковой ситуации, в которой оно существует.

Вопросом о происхождении и развитии русского литературного языка задавались ученые XVIII в. (В.Е. Аодуров, В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов). Подлинной широты дискуссия достигла уже в XIX в. (И.И. Срезневский, А.Х. Востоков, К.Ф. Калайдович, М.Т. Каченовский и др.). Так, характеризуя научные направления в исследовании заданной проблемы, В.В. Виноградов писал о существовании четырех подходов к рассмотрению проблемы. Согласно одной из теорий, церковнославянский и древнерусский «народно-литературный» признавались стилями единого русского языка. Такие ученые, как А. Х. Востоков, М.Т. Каченовский придерживались мнения о том, что церковнославянский (старославянский) язык и язык деловой письменности являлись самостоятельными близкородственными языками. Некоторые лингвисты считали, что основой древнерусского литературного языка выступает церковнославянский, однако, согласно противоположной точке зрения, литературный язык сформировался на основе «живой восточнославянской народной речи» [Виноградов, 1958: 4].

В начале XX в. А. А. Шахматов высказывает мнение о том, что основой древнерусского литературного языка стал церковнославянский язык, который на протяжении своего существования постепенно усваивался на восточнославянской почве: «...по своему происхождению русский литературный язык – это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие» [Шахматов, 1936: 8].

Такому типу усвоения, по мнению ученого, способствовало родство двух языков, что отличало языковую ситуацию средневековой Руси от западноевропейской: «русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к иноземному учительству для его усвоения и понимания» [Там же: 10].

Совершенно противоположный взгляд отстаивает С. П. Обнорский. Проанализировав языковой материал Русской Правды и не обнаружив в ней, по словам самого исследователя, «церковнославянских наслоений» [Обнорский, 2010: 6], он заключает, что языком памятника являлся именно «русский литературный язык старейшей поры» [Там же]. Ученый, обосновывая тезис о русской, а не церковнославянской основе литературного языка, пишет: «Таково положение о русской основе нашего литературного языка, а соответственно – о позднейшем столкновении с ним церковнославянского языка и вторичности процесса проникновения в него церковнославянских элементов...» [Там же].

Большой вклад в исследование развития литературного языка внес В.В. Виноградов. Ученый говорил о неодинаковом объеме понятия «литературный язык» в разные исторические эпохи, предостерегая от отождествления с письменным языком и от неоправданного ограничения понятия рамками национального языка. Так, по мнению исследователя, язык XI – XVII вв. все же в определенной степени обладал нормированностью и стилистической дифференциацией. В.В. Виноградов утверждал, что содержание понятия «литературный язык» изменялось с историческим развитием самого языка, что зависело от «различий культурно-общественных функций литературного языка в разные периоды истории народа», а также от особенностей индивидуального исторического развития того или иного народа [Виноградов, 1958: 25].

В. В. Виноградов отказывается от устоявшейся на тот момент в науке концепции двуязычия и предлагает выделять не два самостоятельных языка

(«церковнославянский русской редакции» и «литературно обработанный народный восточнославянский»), а два типа одного литературного языка: «...принимая во внимание их близкое родство, наличие общих грамматически и общеславянских черт, их тесное взаимодействие, целесообразнее рассматривать их как два типа древнерусского литературного языка» [Там же: 38]. Древнерусский литературный язык складывался в два этапа: «освоение и приспособление к своей народной и социальной почве развитого <...> письменно-литературного языка, сформировавшейся на чужой – хотя и родственной – диалектной основе»; далее следовала стадия «своеобразного творческого развития <...>, творческого образования новых форм, конструкций и слов под влиянием живой восточнославянской речи», [Там же: 60]. При этом ученый делает акцент на том, что в результате такого взаимодействия появлялся новый тип языка на восточнославянской основе. Два его типа – «книжно-славянский» и «народно-литературный» – представляли собой две системы, функционально различные и закрепленные за определенными жанрами. Однако, по мнению В.В. Виноградова, нельзя говорить о структурном единстве этих систем, что все же позволяет говорить о существовании «языкового дуализма» в рассматриваемый период. Между ними складывались сложные типы взаимодействия, в результате которых появлялись «промежуточные разновидности литературной речи», которые образовывались в результате смешения и чередования языковых типов в зависимости от содержания и направленности текста [Там же: 66 – 67].

Следующим этапом в изучении функционирования и эволюции литературного языка Руси XI – XVII вв. стало появление концепции церковнославянского-русского диглоссии, предложенной Б. А. Успенским. Под диглоссией понимается такая ситуация, когда «функции двух сосуществующих языков находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в одноязычном языковом коллективе» [Успенский, 2002: 24]. При таком распределении один из языков выполняет функции книжного, связанного с книжной традицией, и культурой вообще,

другой – некнижный – обслуживает сферу обыденного, бытового. Носителями эти языки воспринимаются как один, при этом «книжный язык выступает в этих условиях как кодифицированная и нормированная разновидность языка» [Там же: 25]. По мнению Б. А. Успенского, в Древней Руси роль языка литературы выполнял церковнославянский, который, будучи заимствованным, никогда не воспринимался как чужой, но именно как кодифицированная разновидность разговорного языка [Там же: 23].

А. А. Алексеев писал, что древнерусское общество не являлось двуязычным или диглоссийным коллективом, однако все же утверждал, что «письменно-литературный язык лингвистически представлял собою внешнее на функциональной основе объединение двух языковых систем» [Алексеев, 1987: 41]. Обращаясь к изучению нормы в донациональный период Руси, он писал, что в то время существовало два механизма ее стабилизации, связанных с двумя письменными языками: церковнославянским, являющимся, по мнению ученого, мертвым книжным языком, и русским деловым, зависящим от живого русского языка [Там же].

Стоит подробнее остановиться на принципах работы механизмов по стабилизации нормы. А. А. Алексеев отмечает, что в эпоху XI – XVI вв. кодификации в современном смысле не существовало, однако норма все же определенным образом сохранялась и поддерживалась: она реализовывалась в так называемых образцовых текстах. Образцами могли становиться авторитетные тексты, признанные обществом таковыми прежде всего в силу своего сакрального содержания. Главнейшими из них считались Евангелие и Псалтырь, далее же следовали прочие богослужебные тексты. Кроме того, при создании памятника книжник часто мог ориентироваться на близкие по жанру произведения. А. А. Алексеев указывает на еще одну особенность создания текста на книжном церковнославянском языке: «...писатели XII – XV вв. могли вводить в свой текст элементы текста, возникшего за триста – шестьсот лет до него <...>, эти элементы вовсе не вносят в новый текст ни архаической семантики, ни архаизирующей стилистики <...>, эти элементы

могут оказаться опорными и ключевыми в нормативной структуре нового текста» [Там же: 36].

Однако норма не была устойчивой, что обуславливалось, с одной стороны, отсутствием привычной кодификации, с другой – рукописным копированием текстов, при котором появлялись различные механические и интерпретационные ошибки. Последние, по мнению А.А. Алексеева, зависели от степени усвоения нормы [Там же: 36]. Переписчики стремились в некоторой степени унифицировать ее, что выражалось в использовании при создании текста нескольких «антиграфов, так что случайные ошибки одного из них исправлялись на основании другого» [Там же]. Так, по мнению А. А. Алексеева, функционировал механизм стабилизации в церковнославянском языке.

Второй письменной системой, которая также обладала определенной нормированностью, выступал язык деловой письменности, который «был открыт влиянию живого употребления и отзывался на изменения общественной жизни» [Там же: 39]. Стабильность нормы в деловой письменности, таким образом, зависела не только от образцов, но и от живого употребления.

Кроме указанных систем, А. А. Алексеев выделяет группу «смешанных по языку текстов – произведения, в которых в той или иной мере присутствовали языковые средства церковнославянского и русского происхождения. Такой состав ученый объяснял определенным содержанием памятников: экономические и хозяйственно-бытовые реалии передавались средствами разговорного языка; также появление «русского элемента» в тексте зависело от степени подготовки и компетентности писателя [Там же: 42].

Систематическое внедрение русизмов в «церковнославянскую стихию» определенным образом влияло и на характер нормы: «Поскольку норма определялась образцами, раз возникнув, смешанные тексты провоцировали

появление других подобных текстов. Рядом с одной нормой появлялась другая...» [Там же: 44].

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что во всех приведенных концепциях языковая ситуация донационального периода русского государства описывается в рамках существования двух языковых систем: двуязычие, «языковой дуализм» или же диглоссия. Теории основывались на противопоставлении книжного (церковнославянского) и некнижного (русского) языков и их взаимодействии.

Постепенно начинает складываться новый взгляд на проблему, который отталкивался от концепции диглоссии. С ее критикой выступает Г. А. Хабургаев в статье «Проблема диглоссии и южнославянских влияний в истории русского литературного языка (В связи с книгой Б.А. Успенского “История русского литературного языка XI – XVII вв.”)». Отмечая ряд достоинств научных изысканий ученого, Г. А. Хабургаев, вместе с тем, обращает внимание и на многие ее недостатки. Мы не ставим себе целью перечислять их все, поскольку это не входит в круг основных проблем, рассматриваемых в данном параграфе, однако считаем необходимым указать на тот факт, что, по мнению Г. А. Хабургаева, Б. А. Успенский «игнорировал феномен гибридного церковнославянского как определенного направления развития литературного языка в Московской Руси» [Хабургаев: 1991: 119].

Именно невозможность включения подобных памятников в рамки противопоставления двух языков, описываемых в приведенных выше концепциях, является одним из их недостатков.

Значительный вклад в изучение особенностей функционирования древнерусского литературного языка и литературной нормы внес В. М. Живов. Предшествующие концепции происхождения древнерусского литературного языка, описанные выше, основывались на представлении о существовании двух языковых систем в Древней Руси донационального периода. В. М. Живов же считал, что по отношению к указанному периоду можно говорить об одном языке, который сформировался в результате

попадания церковнославянского на восточнославянскую почву. Возникший язык восточнославянского извода представлял собой «сплав», «составляющие которого не противопоставляются как «свое» и «чужое», а создают множественность языкового употребления, из которой затем формируются различные письменные традиции <...> генетические категории сменяются функциональными» [Живов, 1996: 29–30]. Восточнославянские и церковнославянские элементы в нем не воспринимались как генетические, т.е. в сознании носителей не было представления об их происхождении, но понимались как показатели книжного или некнижного узуса.

Особенности возникшего языка обуславливались характером его усвоения, сильно отличавшимся от обучения латыни в Западной Европе: ученик постигал язык не через грамматики, а с помощью чтения и заучивания церковнославянских текстов (прежде всего Псалтыри), которые понимал «с помощью ресурсов своего родного языка», генетически близкого книжному [Там же: 20]. Дальнейшее восприятие и понимание новых книг основывались сначала на читательском опыте, полученном при обучении, а после, при расширении круга прочитанных текстов, – на опыте их чтения [Там же: 13].

На основе полученных навыков создаются и оригинальные произведения. Ученый выделяет два механизма понимания и порождения текстов: механизм пересчета и механизм ориентации на образцы.

Принцип работы первого из них заключался в соотнесении книжных элементов с элементами живого языка для их понимания. При создании текстов этот механизм работал в обратном направлении: некнижные формы соотносились с книжными и заменялись на них в текстах. Механизм ориентации на образцы заключался в «воспроизведении готовых фрагментов текстов, форм и конструкций, известных пишущему из того корпуса текстов, который он помнит наизусть» [Там же: 24].

Преобладание того или иного механизма при создании текста приводило к появлению определенного типа памятников, составляющих свою традицию и относящихся к разным языковым регистрам: стандартному

или гибриднему, различающимся объемом функционирования в них церковнославянских и восточнославянских по происхождению элементов. Кроме лингвистических особенностей, тексты разных регистров отличает и разная степень соблюдения нормы, что, по мнению В.М. Живова зависело от прагматических причин создания произведений словесности. Так, к стандартному регистру относятся богослужебные тексты, которые в силу своих задач были наиболее унифицированными, т.е. наиболее нормализованными [Живов, 2004: 48].

Важным является утверждение В. М. Живова о том, что церковнославянский язык не был мертвым или искусственным, как его воспринимали исследователи до этого. В частности, Б. А. Успенский писал, что живой разговорный язык представлял собой динамичную, развивающуюся систему, регулирующуюся первичной нормой и воспринимающуюся «естественным» путем. Литературный язык понимался как искусственный, такой, которым необходимо овладевать в процессе осознанного обучения [Успенский, 2002: 9 – 10].

По мнению В. М. Живова, особый характер усвоения письменного узуса через чтение и опыт предшествующих текстов говорит о существовании внутри него особого механизма преемственности, который не соотносится с представлением об искусственности и неизменности литературного языка, нормам которого приходится обучаться по грамматикам. Так, В. М. Живов пишет: «Преемственность письменного узуса не означает, понятно, его неизменности. Письменный язык меняется так же, как и устный, и системные (“естественные”) факторы развития действуют в нем не в меньшей степени, чем в устной» [Живов, 1998: 235]. Важную роль в таком развитии играл механизм семантической реинтерпретации. Создавая текст, книжник, встречая в других памятниках, на которые он опирался, прецеденты, переосмысливал их и придавал свое значение. Таким образом, разговорный язык не непосредственно влиял на гибридный узус, а через

другие тексты, что не позволяет отождествлять период создания памятника и время появления того или иного изменения в живом языке.

Выше было сказано о том, что стандартный и гибридный регистры отличались уровнем соотношения в церковнославянских и восточнославянских языковых элементов в текстах. Как отмечает А. В. Духанина, они обладали разным нормативным статусом, что зависело «от того, как то или иное языковое явление церковнославянской письменности соотносилось с теми же категориями живого языка» [Духанина, 2008: 30]. Церковнославянская система прошедших времен, как указывает исследовательница, не совпадала с системой живого языка, в частности в отношении простых претеритов, которые были утрачены, по разным оценкам, к концу XV в. [Там же: 31]. Аорист и имперфект «становятся дифференциальным признаком книжности текста» [Там же]. Именно исследование употребления в памятнике форм простых претеритов, и всей претеритарной системы в целом, позволяет говорить об уровне соответствии его языка нормативным установкам.

Таким образом, изучение взаимодействия различных «стихий» в литературном языке донационального периода прошло через этапы двуязычия, языкового дуализма и диглоссии. На сегодняшний день наиболее достоверным представлением о языковой ситуации в Древней Руси, на наш взгляд, является теория В. М. Живова, объясняющая важные механизмы понимания и создания новых текстов, а также особенности так называемых гибридных текстов.

Многое о характере нормы и степени ее соблюдения в тех или иных словесных произведениях говорят особенности употребления в них системы прошедших времен. Изучение функционирования претеритов, в частности, аориста и имперфекта, позволяет понять характер действия нормы, и ее динамику.

1.2. Аорист и проблема его изучения

Начиная с XIX в. лингвисты делают объектом своего пристального внимания вопросы, связанные с функционированием претеритов на разных этапах развития языка. Однако, несмотря на большое количество работ, посвященных различным аспектам их функционирования в языке средневековой Руси, многие вопросы все еще требуют дополнительных научных разысканий, а огромное количество текстов пока остается неисследованным в этом аспекте.

Древнерусская система прошедших времен, как и в старославянском языке, состоит из четырех временных образований: двух простых (аорист и имперфект) и двух аналитических (перфект и плюсквамперфект).

Центральными проблемами изучения простых претеритов является определение их грамматических значений и связанный с этим вопрос о наличии видового компонента, а в целом – о соотношении вида и времени в древнерусском языке.

И. К. Бунина выделяет два подхода, сложившихся при исследовании названных аспектов: хронологический, которого придерживается сама исследовательница, и видовой. Согласно первому из них, категории вида и времени независимы друг от друга, следовательно, временные формы не содержат в себе видовой семантики. По мнению И. К. Буниной, «вид и время являются такими, так сказать, “всеглагольными” категориями, которые принадлежат глаголу как части речи в целом: ими выражаются такие свойства протекания действия во времени, которые присущи любому действию (состоянию или процессу) независимо от его качества» [Бунина, 1959: 6–7]. Однако исследователь не отрицает наличие некоторой связи между указанными категориями, признавая общность их сфер значений и стремясь дифференцировать формы вида и времени в рамках этой области.

В хронологическом подходе при определении значения временных форм главным критерием выступает их расположение в «грамматической

системе отсчета времени», т.е. их абсолютность (соотнесенность с моментом речи) или относительность (соотнесенность с другим событием). Аорист признается И. К. Буниной абсолютным прошедшим временем: «...именно значение абсолютного прошедшего времени является специфическим, главным значением форм аориста» [Там же: 132]. В качестве частных значений, выражаемых данным простым претеритом, исследователь называет преднастоящее и предпрошедшее действие, т.е. относительные времена. Аорист, таким образом, оказывается «нейтральным по отношению к выражению признака, указывающего на грамматическую систему отсчета времени» [Там же: 131].

Хронологического подхода к определению семантики временных форм придерживается С. П. Лопушанская, которая, однако, несколько дополняет теорию, делая уточнение об историческом несоответствии терминов абсолютного и относительного времени, характеризующих современную языковую систему, по отношению к древним категориям: «использование терминов “абсолютное и относительное” времена при описании древних форм времени не отражает конкретно-пространственного характера их соотнесенности в тот период» [Лопушанская, 1990: 39].

Первоначальное значение аориста С.П. Лопушанская видит в исполнении функции «временной вехи отсчета любого действия в прошлом <...>: формы аориста как бы устанавливали границу совершившихся действий в прошлом» [Там же: 40].

Сторонники другого – видового – подхода считают, что категории вида и времени взаимосвязаны, что в свою очередь предполагает существование в языке «синкретических» морфологических образований, объединяющих в одной форме видовое и временное значения [Бунина, 1959: 7]. При этом, как отмечает И. К. Бунина, большинство исследователей не просто говорят о взаимосвязи вида и времени, но отождествляют их значения через историческую преемственность. В соответствии с этим подходом аорист интерпретируется как прошедшее совершенное время.

Основным аргументом, позволявшим ученым отождествлять аорист как форму совершенного вида, было образование данного претерита в подавляющем большинстве от основ глаголов именно совершенного вида. Немногочисленные случаи употребления аориста несовершенного вида трактовались исследователями как ошибочные. Однако такое представление было опровергнуто в работах А. Достала и Ю. С. Маслова. Приведенные учеными «данные свидетельствуют, что указанные формы, хотя и встречаются действительно редко, тем не менее имеют достаточное распространение, чтобы их существование можно было отнести за счет случайных ошибок» [Там же: 9].

Таким образом, видовой подход, отождествляющий категории вида и времени, оказывается не столь продуктивным в области изучения грамматического значения простых претеритов. Однако данные памятников все же не позволяют отрицать наличие связи между этими категориями. Так, И. К. Бунина, воспринимая их как самостоятельные, все же признает общность сферы их значений.

Рассмотрим, как грамматическое значение аориста определяли другие ученые и как, по их мнению, соотносятся данный претерит с категорией совершенного вида.

В понимании Н. Д. Русинова, аорист первоначально обозначал неопределенное действие, не характеризующееся с позиции своей длительности. Однако в процессе развития языка семантика данного претерита начинает включать в себя видовой компонент и все чаще используется при обозначении прошедшего времени совершенного вида [Русинов, 1977: 126].

П. Я. Черных рассматривает аорист как форму, изначально обозначающую «недлительное, продолжавшееся короткое время, в некоторых случаях – даже мгновенное прошедшее действие» [Черных, 1952: 219–220], которая в период XIII – XIV вв. утратила эту грамматическую семантику и стала использоваться книжниками в тех случаях, «когда известное

прошедшее действие нужно было изобразить как факт, имевший место в прошлом» [Там же: 220]. По мнению лингвиста, прямой зависимости между формами претеритов и видовыми значениями не наблюдалось, но при этом многообразие форм прошедшего времени «в известной мере заменяло видовые формы и как бы компенсировало их слабое развитие» [Там же: 219].

Большая работа по изучению морфологической, в частности, претеритарной, системы древнерусского языка была проделана П. С. Кузнецовым. Определение аориста, предложенное ученым, характеризует данный претерит как форму, выражающую действие в прошлом, которое могло быть как мгновенным, так и длительным, но обязательно воспринималось как цельное, неделимое на части [Кузнецов, 1953: 192; 1959: 190–191].

В своих работах П. С. Кузнецов рассматривает постепенное разложение индоевропейских видовых значений и формирование на их основе противопоставления аорист – презент – перфект, а также последующее развитие новой видовой системы в славянских языках. По мнению ученого, различия совершенного и несовершенного вида наметились в эпоху создания древнейших славянских памятников [Кузнецов, 1953: 226–227]. В этот период часть времен начинает тяготеть к основам, которые уже выражали или же только будут выражать в будущем совершенный вид, часть – к основам несовершенного вида. Аорист тяготеет к основам совершенного вида, на что указывает его преимущественное образование от таких основ. По замечанию П. С. Кузнецова, «его значение в этом случае было близко к значению нашего прошедшего времени совершенного типа» [Там же: 229]. Случаи образования претерита от основ несовершенного вида П. С. Кузнецов считает показателем того, что значение аориста нельзя приравнивать к значению современного прошедшего совершенного.

Взгляды П. С. Кузнецова разделяет В. В. Иванов, указывающий в пособии по исторической грамматике те же отличительные черты действий, отражаемых данной формой: мгновенные или длительные, полностью

отнесенные к прошлому, цельные [Иванов, 1990: 324]. Этот же подход видим и в «Исторической грамматике древнерусского языка» К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева: «В повествовании аорист довольно последовательно используется как средство указания на действие (состояние), целиком отнесенное к прошлому и представляемое как единый, нерасчлененный акт» [Горшкова, Хабургаев, 1981: 299]. Авторы отмечают, что с помощью такого временного значения передается сообщение о событиях, последовательно сменявших друг друга в прошлом и не связанных с настоящим.

Г. А. Хабургаев отмечает, что аорист мог образовываться от основ обоих видов, однако само значение временной формы определяет ее преимущественное образование от основ глаголов совершенного вида. Формы аориста, образованные от основ несовершенного вида, выражающих «действие как таковое: глагол в этом случае приобретал значение состояния, не рассматриваемого с точки зрения его проявления, а включающегося в ряд сменяющихся друг друга процессов» [Там же: 300].

Развитию языковой нормы и выявлению в соответствии с ней грамматических значений претеритов посвящено исследование М. Л. Ремневой, которая проанализировала памятники различных жанров, созданные в период XI – XVII вв.

Так, в текстах XI в. (Остромирово Евангелие, Синайский патерик, Изборники 1073 и 1076 гг. и т. д.) функционирует сложная система прошедших времен, формы сохраняют первоначальное значение и употребляются согласно норме. Аорист выступает в нескольких значениях: конкретно-фактическом, выражая «действие, приуроченное к определенному моменту в прошлом, конкретное единичное действие в его целостности и ограниченности пределом»; конкретно-процессном, характеризую какое-либо состояние или процесс, происходящие в прошлом [Ремнева, 2003: 43].

О функционировании аориста в Изборниках М. Л. Ремнева пишет: «В силу специфики жанра поучения аорист часто выступает с оттенком перфектного значения» [Там же: 45]. Исследователь в данном определении

грамматической семантики временной формы обращает внимание на контекст: «...контекстное окружение, и предшествующее формам и следующее за ними, констатирует значимость действия для более позднего периода» [Там же].

Кроме того, в этих же памятниках аорист выступает в общефактическом значении, выражающем «нелокализованное действие, актуальное для значительного промежутка времени» [Там же: 46].

Рассматривая период XI – XIV вв., М. Л. Ремнева анализирует памятники различных жанров: жития, Прологи, летописи, памятники ораторской прозы и т. д. Аорист в текстах часто выступает как форма, выражающая действие в прошлом как единичный факт. В памятниках ораторской прозы, находясь в перфектном контексте, аорист проявляет соответствующую семантику и «конкурирует с перфектом» [Там же: 120]. Кроме того, в этих текстах встречаются ситуации, когда аорист и перфект выступают в функции стилистического приема, когда «противопоставляющиеся, сравниваемые состояния обозначаются разными формами» [Там же]. Стоит отметить, что аорист и перфект часто используются в аналогичных контекстах в текстах разных жанров.

В памятниках XV в. данный простой претерит функционирует «как нейтральная форма прошедшего времени, выражая любое прошедшее время, кроме прошедшего процессуального» [Там же: 196]. Так же, как и в предыдущие периоды, аорист может приобретать конкретно событийное и перфектное значения.

Однако в текстах северо-западного происхождения отмечаются формальные нарушения – смешение аориста и имперфекта, флексий -ша и -ше, что М. Л. Ремнева объясняет ослаблением нормы в провинциальных землях [Там же].

В памятниках повествовательного и летописного жанра XV – XVII вв. сложная система прошедших времен остается последним показателем литературности. Форма аориста в этих текстах часто употребляется вместе с

формой на -л. Они функционируют в значении любых прошедших времен, часто выступая в качестве взаимозаменяемых элементов.

Исследование М. Л. Ремневой дает наглядное представление о развитии нормы функционирования аориста от полного соответствия ей, до постепенного стирания значения данного простого претерита в восприятии носителей.

Детальный анализ содержания простых претеритов представлен в работе И. В. Герасимовой «Структурно-семантический и функциональный анализ глагольных форм прошедшего времени в старорусской письменной речи XV – XVII вв.». Автор исходит из представления о грамматическом значении прошедших времен как о многоуровневом образовании, формирующимся под воздействием контекста, видового своеобразия формы; лексического наполнения и жанрово-стилистической принадлежности памятника [Герасимова, 2009: 71–72].

По мнению лингвиста, каждая глагольная форма имеет свои «релевантные грамматические признаки», на базе которых складывается так называемое инвариантное, т. е. самое общее, значение, которое под влиянием контекста видоизменяется [Там же: 80 – 81]. К релевантным грамматическим признакам аориста И. В. Герасимова относит однократность (неповторяемость), недлительность и предельность (законченность действия). Кроме перечисленных черт автор также указывает, что «формы аориста широко привлекаются в контексте для чистой констатации того или иного события или состояния, целиком отнесенного в прошлое, лишённого непосредственной связи с речевой ситуацией» [Там же: 91].

Особый акцент исследователь делает на существовании тесной связи между грамматическим и лексическим компонентами значения глагольных форм. И. В. Герасимова придерживается положения о том, что конкретным временным формам соответствует определенная глагольная лексика, которая делится на три функционально-семантических поля: «действие», «состояние» и «отношение». Так, семантике аориста, как отмечает И. В. Герасимова, в

наибольшей степени соответствуют глаголы действия, которые автор характеризует как словоформы, обозначающие, как правило, процессы, разложимые на более мелкие составные элементы и образующиеся преимущественно от основ совершенного вида, придающих глаголу значение результативности [Там же: 147–150].

Рассматривая аспектуальные характеристики глагольных форм, И. В. Герасимова утверждает, что различия между формами простых претеритов и особенности их значений не определяются исключительно видовыми характеристиками – временные формы только включают их в свою семантику.

О влиянии контекста и лексического значения глагола, от которого образована форма аориста, на грамматическую семантику простого претерита пишет и В. В. Колесов. Частные значения аориста, по мнению ученого, реализуются в форме под действием различных групп глагольных основ. Так, глаголы движения или состояния, употребленные в аористе, выражают завершенное действие, глаголы чувственного ощущения актуализируют значение предельности и т.д. [Колесов, 2010: 284]. Инвариантным значением аориста ученый считает значение «предельности действия, взятого в свободном его употреблении, независимо от других действий» [Там же: 285]. При этом, однако, В. В. Колесов совмещает высказанные выше представления с положением хронологического подхода: аорист – абсолютное время, которое обозначает «само действие в его законченной точности и точности». [Там же].

В диссертационной работе Е. Е. Серegiной представлен междисциплинарный подход к проблеме определения семантики простых претеритов. Опираясь на предложенное Е. Н. Этерлей понимание аориста как формы, выражающей динамичное действие, а имперфекта как формы, выражающей статичное, ученый рассматривает функционирование простых прошедших времен в составе литературных формул. Исследовательница исходит из следующего положения: «Если <...> сфера употребления любой

из ЛФ – “шире” жанра, то выбор временной формы определяется, в первую очередь, темой описания, то есть производится в конкретном акте коммуникации между автором и его возможным адресатом» [Серегина, 2006: 4]. Е. Е. Серегина пишет, что аорист как динамичная форма часто употребляется для «создания воинственного облика русских князей [Там же: 8] и описания битвы [Там же:12].

Таким образом, несмотря на длительную историю изучения простых претеритов и на существование большого количества работ, посвященных этой проблеме, в научной среде до сих пор не установилось единого подхода к их исследованию. Определяя грамматическую семантику аориста, исследователи обращают внимание на различные аспекты, которые так или иначе могли бы повлиять на значение претерита: отношение к моменту речи, зависимость/независимость от вида, контекст, лексическое значение основы и т. д.

В данной работе мы будем исходить из представлений об аористе как форме, выражающей единичное, мгновенное или длительное, цельное действие, полностью отнесенное к прошлому.

1.3. Имперфект в научном освещении

Имперфект – второе простое прошедшее время в претеритарной системе древнерусского языка. Поскольку в предыдущем параграфе мы, говоря об аористе, подробно разобрали некоторые работы, посвященные прошедшим временам, в этой части исследования мы ограничимся менее подробными замечаниями.

Сторонники хронологического подхода характеризуют имперфект как форму, выражающую одновременные или предшествующие главному действию, либо следующие за ним. Однако И. К. Бунина считает, что ни одно из приведенных значений нельзя назвать специфическим значением формы имперфекта, поскольку оба простых претерита могли обозначать действие, относящееся к любому периоду прошлого [Бунина, 1959: 116]. Имперфект, по мнению исследователя, является относительным временем и выражает второстепенное действие, которое всегда находится в связи с действием главным, выраженным аористом.

С. П. Лопушанская соглашается с позицией И. К. Буниной. Отмечая, что в ранних древнерусских памятниках имперфект действительно мог выполнять уточняющую функцию, выражая одновременность, предшествование или следование по отношению к аористу как форме, обозначающей главное действие, она уточняет, что отношения одновременности, предшествования и следования рассматриваются как комбинаторные, частные. На первый же план выходит именно способность уточнять главное действие, находиться в связи с ним [Лопушанская, 1990: 40].

М. Ежова указывает на непоследовательность логики С. П. Лопушанской, трактующей значение аориста с позиции видовых категорий, а имперфект – в хронологических [Ежова, 1991: 63]. Исследователь, опираясь на концепцию И. К. Буниной об абсолютности/относительности простых претеритов в анализе «Повести

временных лет», пришла к выводу о том, что имперфект в памятнике, как и аорист, выступает в функции главного действия и сочетается при этом с другими различными временами. М. Ежова делает справедливое замечание: если связь имперфекта с аористом настолько сильна, «то при большом удалении друг от друга, а также в случае разделения их формами аориста, обозначающими другие действия, может иметь место разрушение соответствующих ассоциативных связей, что привело бы к непониманию текста, поскольку действие, выраженное формой относительного времени, как автором, так и читателем, воспринималось не непосредственно, а путем его соотнесения с временем главного события, представленного абсолютным временем» [Там же: 70]. Однако при взаимодействии аориста и имперфекта такого не наблюдается. Опираясь на данные памятника, а также на приведенное утверждение, ученый делает вывод о том, что имперфект, как и аорист, соотносится с моментом речи и выступает в качестве абсолютного времени [Там же: 74]. Языковой материал «Повести временных лет», таким образом, демонстрирует полностью противоположное положение тому, которое описывала И. К. Бунина.

Согласно видовому подходу, имперфект понимается как прошедшее несовершенное. Кроме этого специфического значения, И. К. Бунина также отмечала комбинаторные значения длительности, повторяемости и процессности, которые были предложены для характеристики имперфекта сторонниками видового подхода [Там же: 80 - 91].

Многие исследователи отмечали некоторое тяготение имперфекта к основам глаголов несовершенного вида, что проявляется в преимущественном образовании временных форм от основ несовершенного вида. Однако есть случаи, когда имперфект образовывался от основ совершенного вида, что не позволяет отождествлять временную и видовую категории.

Именно длительность и повторяемость выделяются многими учеными в качестве значения имперфекта. Так, П. Я. Черных считает, что данный

простой претерит выражал длительное, а иногда – повторяющееся действие в прошлом, обозначал действие в его развитии. Н. Д. Русинов выделяет те же значения – длительность и повторяемость – уточняя, однако, что повторяемость носила неограниченный во времени характер. Кроме того, ученый придерживается теории об исторической преемственности между категориями вида и времени и считает, что в более позднюю эпоху имперфект стал функционировать как прошедшее действие несовершенного вида [Русинов, 1977: 127].

П. С. Кузнецов так же считает, что имперфект «выражал действие в прошлом, неограниченное во времени, длительное или повторяемое, но опять-таки без ограничения этой повторяемости» [Кузнецов, 1953: 191–192]. В. В. Иванов характеризовал это прошедшее время как форму, выражающую «прошедшее действие, полностью отнесенное к прошлому, длительное и мыслимое как неограниченное по времени или повторяющееся без ограничения этой повторяемости» [Иванов, 1990: 326].

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает определение, данное имперфекту Г. А. Хабургаевым. Ученый соглашался с представлениями длительности и повторяемости, как компонентах грамматической семантики данного претерита, однако функцию этой временной формы исследователь видел в выражении действия, на котором необходимо сделать акцент, «сосредоточиться на нем как таковом, а не просто констатировать его совершение» [Горшкова, Хабургаев, 1981: 231]. Исследователь, таким образом, за основу определения семантики формы берет не объективный характер действия, обозначаемого имперфектом, а коммуникативную установку автора, особое понимание того, что в тексте является важным и требует выделения.

Современные исследователи в некоторой степени объединяют две приведенные выше точки зрения на имперфект. Так, Т. Н. Попова пишет, что имперфект «обозначал действие в самом процессе его протекания, длительное или прерывистое, повторяющееся, не ограниченное пределом его

завершения» [Попова, 1999: 23]. И. В. Герасимова, изучая грамматическую семантику имперфекта, указывает, что «желание автора описать протекание отдельно взятого эпизода прошлого вызывает необходимость использовать имперфект как форму, обозначающую длительные, повторяемые, незаконченные действия». Имперфект, таким образом, понимается как форма, выражающая действия, которые можно характеризовать, с одной стороны, как длительные, повторяющиеся и неограниченные, т. е. обозначить их объективные признаки, а с другой, – как требующие особого выделения на фоне остальных.

Здесь можно отметить сходство такого подхода со взглядами И. В. Герасимовой, которая выделяет для имперфекта, точно так же, как и для аориста, релевантные признаки, и определяемое ими инвариантное значение, «которое в условиях контекста, естественно, видоизменяется» [Герасимова, 2009: 80–81]. Стоит также привести утверждение И. В. Герасимовой о том, что имперфект наравне с аористом, может выступать в качестве основного средства развития сюжета, все так же обозначая «длительные, расчлененные процессы, этапы которых регулярно повторяются» [Там же: 106].

Исследовательница, рассматривая аспектуальные компоненты в семантике аориста, характеризовала их как предельные, недлительные и кратные, формы имперфекта, по её мнению, являются непредельными, длительными и некротными, соответственно [Там же: 129].

Изучая развитие норм книжного языка на протяжении периода XI – XVII вв., М. Л. Ремнева отмечает, что в ранних памятниках XI в. имперфект употребляется в постоянно-непрерывном значении, выражая обычные, постоянные действия, а также в значении кратного действия. Языковой материал памятников XI – XIV вв. позволяет говорить о том, что данная временная форма обозначает состояния или постоянные действия лиц (часто – святых), которые те выполняют для своего совершенствования. Кроме того, М. Л. Ремнева делает интересное замечание об особой стилистической

дифференциации форм имперфекта: в Житии Нифонта имперфект используется для передачи действий святого и чередуется с аористом, характеризующим действия дьявола [Ремнева, 2003: 118–199]. Имперфект используется и для передачи длительности действия, в том числе вечного, описания эмоциональных состояний, явлений природы и т. д. [Там же: 122].

В памятниках XV в. «имперфект используется как форма выделения прошедших действий с маркированным значением процессности» [Там же: 196]. Такая ситуация характерна для текстов, соблюдающих строгую норму. В памятниках северо-западного происхождения, как было отмечено, обнаруживаются случаи смешения простых претеритов. Еще более поздние тексты знают сложную систему прошедших времен как признак книжности. В части памятников имперфект употребляется в собственном значении длительного или кратного действия, однако нельзя говорить о какой-либо последовательности такого употребления, поскольку формы этого претерита часто смешиваются с аористом и формами на [Там же: 204].

История употребления имперфекта, таким образом, совпадает с историей аориста и демонстрирует постепенное разрушение нормы.

Е. Е. Серегина, опираясь на представления об имперфекте как о форме, выражающей статичные действия, выделяет следующие литературные формы и контексты, в которых употребляется данный претерит: при описании привычек и характера человека [Серегина, 2006: 7], обстановки города во время осады [Там же: 18], в контекстах, передающих то, каким образом неприятели обычно производили расправы над пленными [Там же: 20] и т.д. Все события, по мнению исследовательницы, соответствовали своей статичностью имперфекту.

Особое внимание необходимо обратить на работу П. В. Петрухина «Лингвистическая гетерогенность и употребление прошедших времен в древнерусском летописании» (2003), в которой автор доказывает, что имперфект, подобно аористу, мог употребляться для обозначения действия, продвигающего повествование: «Традиционно принято считать, что

основными звеньями нарративной цепочки являются аористы. <...> это не совсем верно: имперфект, следующий за аористом (причастием, дательным самостоятельным), может обозначать новое действие/событие, т. е. продвигать повествование, тем самым функционально пересекаясь с аористом» [Петрухин, 2003: 26]. Такие формы имперфекта автор называет консекутивными. Как следует из приведенной выше цитаты, консекутивное значение данного простого претерита могло проявляться при условии употребления формы данного простого претерита после аориста или причастия, которые, по замечанию ученого, были образованы от глагола совершенного вида [Там же: 38]. Семантика же такого имперфекта представляет собой сложное и в некоторой степени противоречивое явление, поскольку данное образование одновременно сочетает в себе противоположные значения: с одной стороны, выражает традиционное синхронное, длительное действие, а с другой – новое, самостоятельное действие – «новое звено в нарративной цепочке» [Там же: 40]. Ученый также указывает на то, что между действиями, выраженными аористом и имперфектом в таких случаях возникает тесная связь: «действие, обозначенное КИ, происходит на фоне той ситуации, которую фиксирует аорист. <...> КИ «сдвигает» ситуацию, зафиксированную аористом, обозначая новое действие/событие, которое интерпретируется как «длительное», и на фоне которого, в свою очередь, могут происходить дальнейшие события» [Там же: 38–39].

Таким образом, консекутивный имперфект одновременно обозначает начало нового действия, ставит своеобразную точку отсчета, единичный, нерасчлененный акт, продвигающий повествование вперед, и выражает длительное действие, развивающееся из единичного акта.

Изучение данного явления имеет большое значение для понимания принципов построения повествования в целом, а также, что представляет для нас особый интерес, функционирования имперфекта в древнерусском тексте. Как показывает П. В. Петрухин, представления о данном простом претерите

только как о времени, выражающем фоновые, синхронные действия, неспособном продвигать повествование, приводят к существенным искажениям смысла текста [Там же: 33].

В настоящее время в науке о языке наблюдается возрастающий интерес к проблеме функционирования имперфекта в старославянских и древнерусских текстах как переводного, так и оригинального характера. Так, В. Б. Крысько (2014), Е. А. Мишина (2015) и О. Ф. Жолобов (2015, 2016) особое внимание уделяют изучению перфективного имперфекта – имперфекта СВ, функционирующего в кратно-перфективном значении и обозначающего «регулярные, многократные законченные действия в прошлом, в том числе сакрально-ритуализированного характера» [Жолобов, 2015: 29]. В науке было распространено мнение, согласно которому такой имперфект был характерен только для восточнославянских памятников, в то время как в языке старославянских текстов он не обнаруживался. Исследователи, обращаясь к материалам последних (Мариинское и Зографское Евангелия, Супральская рукопись, Сборник Клоца и т.д.) расширяют представление о перфективном имперфекте, выделяя в них случаи его употребления. Так, В. Б. Крысько отмечает отдельные примеры такого претерита в Скитском патерике и относит эти формы к протографу, не подтверждая их восточнославянское происхождение [Крысько, 2014: 123 – 124]. Е. А. Мишина и О. Ф. Жолобов, доказывая существование перфективного имперфекта в системе старославянского языка, объясняют его нечастое употребление в памятниках южнославянского происхождения особенностями самих текстов, т.е. отсутствие в них повторяющихся ситуаций [Мишина, 2015: 2; Жолобов, 2016: 68].

Итак, при характеристике форм имперфекта большинство исследователей используют те же подходы, как и при изучении аориста. Имперфект при этом по своему значению выступает как противоположная аористу форма. Однако его специфика не ограничивается этим. Как было

показано в параграфе, выделяются особые образования: консекутивный и перфективный имперфект.

В данной работе мы будем опираться на представление о данном претерите как форме, выражающей длительные или повторяющиеся действия и состояния в прошлом, выделяющиеся на фоне остальных событий, а также на положение о существовании консекутивного имперфекта.

1.4. Вопрос о существовании простых претеритов в древнерусском языке

В научной среде существование простых претеритов в народно-разговорном языке в период до XII – XIV вв., как правило, не ставится под сомнение. Принято считать, что морфологическая система древнерусского языка вместе со сложной претеритарной системой восходит к общеславянскому языку: «Общеславянский язык-основа характеризуется той же системой времен, которую мы находим в древнерусских и старославянских языках» [Кузнецов, 1953: 209]. Из этого следует, что и аорист, и имперфект некогда были фактами живого разговорного языка. Лингвисты, разделяющие данную точку зрения, по-разному определяли время исчезновения простых претеритов из живого узуса.

Так, согласно положению, высказанному П. С. Кузнецовым в «Исторической грамматике русского языка», первым из живого языка исчезает имперфект – в начале XII в., – однако как норма книжного языка он сохранялся гораздо дольше. Исследователь считает, что в эпоху создания древнейших памятников (конец XI – начало XII вв.) эта временная форма еще существовала в русском языке, а часть книжников еще и в XVI – XVII вв. отчетливо осознавали значение претерита и употребляли его. В то же время в части древних текстов, которые «в наибольшей мере отражают живую речь» имперфект вовсе не употребляется [Там же: 234]. П. С. Кузнецов акцентирует внимание на влиянии литературной традиции, проявляющейся в разной степени в памятниках разных жанров. Памятники церковно-религиозного содержания относятся к стандартному регистру письменного языка, по терминологии В.М. Живова, поэтому норма в них унифицирована и закреплена в большей степени.

Аорист, по мнению исследователя, сохраняется дольше имперфекта, его формы употребляются в близких к живому языку памятниках XIV – XV вв. П. С. Кузнецов, основываясь на материалах памятников разных жанров,

утверждает, что утрата этой формы происходила не одновременно в разных говорах. Дольше всего аорист держится на северных территориях, а именно в Новгороде и колонизированных им землях. К такому выводу исследователь приходит в результате обнаружения форм аориста в новгородских грамотах XIII – XIV вв. [Там же].

В. В. Иванов также считает, что имперфект утратился раньше аориста. Эта временная форма встречена им в двух новгородских берестяных грамотах первой половины XII в., что вместе с отсутствием более поздних свидетельств ее употребления позволяет исследователю считать конец XII в. временем исчезновения имперфекта из живого древнерусского языка. В то же время исследователь отмечает, что имперфект обнаруживается в церковных памятниках и летописях XII – XIV вв., но отсутствует в «Русской правде» и новгородских грамотах XII – XIV вв. – наиболее близких к народной речи текстах. Аорист утратился позднее имперфекта, о чем, по мнению лингвиста, говорит широкое употребление этой формы в деловых памятниках.

Вместе с тем В. В. Иванов считает, что сохранение простых претеритов в памятниках XII – XIV вв. не стоит отождествлять с их употреблением в разговорной речи, поскольку письменный язык мог сохранять такие формы в силу норм и традиций, в то время как в разговорном языке они уже могли не функционировать. При решении вопроса об исчезновении аориста и имперфекта из народно-разговорной речи важным представляется следующее наблюдение ученого: наличие форм того или иного простого претерита в памятнике само по себе не позволяет однозначно утверждать, что эти времена являлись живыми языковыми явлениями в период создания текста. Необходимо обращать внимание на их образование и употребление, т. е. смотреть на формальные и содержательные признаки. Именно ошибки в этих двух аспектах говорят об отсутствии простых претеритов в живой речи: писцы, не используя их повседневной речи, «не могли последовательно правильно употреблять их на письме» [Иванов, 1990: 329].

Основываясь на языковых данных новгородских берестяных грамот, А. А. Зализняк предполагает, что в XII в. аорист переходит в область пассивного владения: «в обыденной устной речи он уже не употреблялся – его заменял перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени» [Зализняк, 2004: 174]. Однако носители языка все же понимали аористы при чтении текстов и использовали это прошедшее время в соответствии с узуальной нормой при создании летописей и официальных текстов [Там же]. Вытеснение аориста из «сферы пассивного знания», по мнению ученого, начинается в XIV в. Об исчезновении имперфекта из разговорного языка А. А. Зализняк писал следующее: «Можно предполагать тот же тип эволюции, что у аориста, но завершившийся быстрее» [Там же].

Некоторые современные ученые придерживаются взглядов предшественников. Так, Т. Н. Попова считает, что если употребление в XII – XIV вв. аориста и имперфекта и было характерным для литературно-письменного языка, то оно «носило в определенной степени традиционный характер и не имело опоры в развивающемся народно-разговорном языке» [Попова, 1999: 19]. Другие же исследователи отодвигают временную границу исчезновения простых претеритов. Так, И.В. Герасимова указывает, что формы аориста в исследуемый период все еще характеризовали живую речь, что отражено в деловых документах XV в., а также продолжают функционировать в книжно-литературных текстах XVII в. [Герасимова, 2009: 10].

О.Ф. Жолобов в качестве доказательства существования имперфекта в живом древнерусском языке приводит факт существования особых, отличных от старославянских, форм данного претерита с добавочным окончанием *-ть* в форме 3л. мн. ч. (например, *въддохуть* и т.д.) [Жолобов, 2010: 6]. По мнению ученого, только активное владение традиционными формами имперфекта, употребление их в живой речи могло стать причиной к созданию новых образований.

Совершенно противоположной точки зрения на историю функционирования простых претеритов в древнерусском языке придерживается Г. А. Хабургаев.

Исследователь считает ошибочным представление о фонетико-фонологическом характере распространения диалектных различий эпохи позднего праславянского языкового единства. Система глагольных форм, зафиксированная в памятниках старославянского языка, как отмечает Г. А. Хабургаев, принимается как исходная для всех славянских языков. Однако современные различия, четко противопоставляющие системы славянского Севера и Юга, объясняются процессами, происходившими уже после распада праславянского языкового единства. При этом фонетико-фонологическая система не воспринимается как общеславянская, «что уже само по себе означало признание диалектной неоднородности славянства ко времени создания старославянского языка, которая могла охватывать и уровень морфологии, включая систему глагольных форм» [Хабургаев, 1991: 42]. Подытоживая свои наблюдения, ученый утверждает, что «сложившийся к настоящему времени взгляд на обособление в поздний праславянский период двух диалектных зон – северной и южной <...> – нет основания ограничивать фонетико-фонологическими и лексическими противопоставлениями: позднепраславянские новации могли быть локальными и на уровне морфологии» [Там же: 43].

Общеславянский характер системы прошедших времен в целом, а в частности простых претеритов, требует проверки, о чем, по мнению исследователя, свидетельствует языковой материал восточнославянских и польских говоров, единство которых заключается в сохранении в них рудиментарных следов аориста и полном отсутствии явлений, восходящих к имперфекту, в том числе и в составе плюсквамперфекта. Поскольку претеритарные аналитические формы польских и восточнославянских говоров практически полностью соответствуют старославянским, такая тенденция представляется в некоторой степени неправильной.

Рассматривая разные точки зрения лингвистов на вопрос об употреблении простых прошедших времен в нелитературных памятниках, а также обращаясь к самим свидетельствам этих памятников, Г.А. Хабургаев приходит к выводу о том, что формы аориста и имперфекта в древнерусских текстах были для авторов «знаками литературного изложения, а не “живыми” формами родного языка» [Там же: 46]. Эта мысль неоднократно высказывалась и другими учеными, однако Г. А. Хабургаев придает ей несколько иной характер. Большинство исследователей, признавая аорист и имперфект более характерными для книжно-литературных текстов, в которых эти формы употреблялись в силу традиции, считают, что простые претериты все же некогда полноценно функционировали в живом древнерусском языке. В отличие от них Г. А. Хабургаев утверждает, что само складывание книжной языковой традиции происходило в условиях, «когда язык повседневного общения местных книжников еще сохранял какие-то остатки аориста, но явно не знал имперфекта как особой временной формы» [Там же: 52]. Таким образом, если, по мнению большинства исследователей, простые претериты являлись фактами народно-разговорного языка на протяжении некоторого периода существования книжной традиции и начали утрачиваться примерно с XII в., то, согласно точке зрения Г. А. Хабургаева, формы имперфекта полностью исчезли из разговорной речи, а от аориста сохранялись некоторые остатки в период, когда эта традиция только формировалась.

Поскольку существование простых прошедших времен в живом древнерусском языке большинством ученых не оспаривается, возникает вопрос о причинах их утраты. Считается, что формирование современной системы глагольных форм славянских языков связано с развитием видо-временных отношений и вытеснением в этих условиях простых претеритов универсальной формой на -л-, способной образовываться от основ разных видов и выражать различные значения прошедшего времени. Однако, как отмечает исследователь, ситуация в южнославянских языках, в которых

простые прошедшие времена существуют вместе с четкой видовой дифференциацией, доказывает, что развитие одной системы не предполагает обязательное исчезновение другой. В связи с этим Г. А. Хабургаев делает справедливое замечание: в историческое время претеритарная система сохраняется и расширяется именно «в том диалектном ареале Славии, говоры которого в свое время послужили основой старославянского языка – первой фиксации славянской морфологической системы на письме» [Там же: 53]. Следовательно, аорист и имперфект являются диалектными временными формами южнославянских говоров, несвойственными северо-восточному ареалу.

Однако естественным образом возникает вопрос о причинах и процессе формирования такой дифференциации. Слависты отмечают неустойчивость «форм имперфекта, которые раньше других временных форм обнаруживают тенденцию к исчезновению» [Там же: 53]. Так, уже индоевропейский имперфект утратился из праславянского языка, создав таким образом ситуацию неустойчивости для оппозиционного ему аориста. Далее, как пишет исследователь, так называемая «пустая клетка» [Там же] в южной части Славии была занята новым морфологическим образованием – славянским имперфектом. На северной же окраине оппозиция «аорист / имперфект» была вытеснена сформировавшейся оппозицией «перфект / неперфект», что предопределило постепенное исчезновение аориста как специальной временной формы [Там же: 54].

Таким образом, при решении вопроса о существовании простых претеритов в древнерусском языке большинство исследователей придерживаются позиции, согласно которой аорист и имперфект все же являлись «живыми» формами, полноценно функционировавшими в народно-разговорной речи. Однако, на наш взгляд, теория, выдвинутая Г. А. Хабургаевым, также имеет под собой существенные основания и позволяет взглянуть на проблему под другим углом. В данной работе мы не

ставим себе целью доказать или опровергнуть ее, однако считаем, что такая точка зрения должна быть представлена.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Дискуссии об особом характере древнерусского литературного языка и особенностях существования и функционирования в нем нормы всегда играли большую роль в науке об истории языка.

Эволюция взглядов на природу литературного языка, представленная в первом параграфе данной главы, позволяет проследить переход от концепций, в основе которых лежало определенное представление о взаимодействии двух языковых систем – церковнославянского и русского, – к представлению о существовании единого, но фрагментированного языка.

Анализ теоретических работ позволил прийти к выводу о том, что литературный язык донационального периода существенно отличается от современного. Для него вовсе не характерна полифункциональность, стилистическая дифференциация, а понятия кодифицированности и нормированности имеют несколько другое содержание. Однако литературный язык не является мертвой искусственной системой. В нем функционируют особые механизмы преемственности и усвоения, понимания и порождения текстов.

Норма в донациональный период также обладает отличным от современного набором признаков: она не кодифицирована, т. е. не «записана» в специальных грамматиках и сводах, но существует в образцовых текстах. Норма не является устойчивой и одинаково обязательной для всех типов письменных текстов: памятники, принадлежащие к разным узусам, обладают своей степенью нормированности.

О степени соответствия памятника норме говорят используемые в нем языковые элементы. Простые претериты как составные части церковнославянской системы прошедших времен являются показателями книжности текста. Изучение особенностей функционирования аориста и имперфекта оказывается, таким образом, значимым для понимания

соответствия норме конкретного текста, а также состояния самой нормы и языковой системы.

Одной из существенных проблем, касающихся исследования простых претеритов, является выделение специфического грамматического значения, свойственного аористу и имперфекту. Несмотря на давнюю традицию изучения этих форм, единого мнения так и не установилось. Сформировалось несколько подходов к определению особенностей грамматической семантики простых претеритов. Ученые опираются на различные элементы, которые так или иначе могут отразиться в значении простых прошедших времен или повлиять на него: от категории глагольного вида до контекста, в котором употребляется та или иная форма.

Однако несмотря на многообразие подходов, все же можно выделить некоторые определения данных временных форм, которые в большей или меньшей степени поддерживаются учеными. Именно на них мы будем опираться в данной работе.

Так, под аористом понимается такая форма, которая выражает мгновенное или длительное, единичное, цельное и полностью отнесенное к прошлому действие. Имперфект в нашем представлении обозначает длительное или повторяющееся действие (состояние), а также выделяет какое-либо действие или состояние, делая акцент на особенностях его протекания.

Еще один вопрос касается существования простых претеритов в живом языке. Согласно традиционному представлению, морфологическая система сформировалась еще в эпоху общеславянского единства и была одинаковой для всех славянских языков после его распада. Однако нам представляется правдоподобной противоположная точка зрения, согласно которой имперфект, а возможно, и аорист, никогда не являлись частью живого разговорного языка, но были свойственны южнославянской ветви, к которой и относился старославянский язык.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОСТЫХ ПРЕТЕРИТОВ В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ

2.1. Текстологическая характеристика Арсеньевской и Кассиановских редакций Киево-Печерского патерика.

Киево-Печерский патерик является первым русским патериком и одним из важнейших текстов древнерусской словесности. История его бытования, активное и многочисленное редактирование, происходящее на протяжении всего средневековья, начиная с XI в. и до XVII в., свидетельствует об исключительной важности этого текста для культурной, социальной и политической жизни общества.

Начиная с XIX в. Киево-Печерский патерик становится объектом различных исследований и привлекает к себе историков, философов, лингвистов и многих ученых из других научных областей. Однако в данном параграфе нам представляется необходимым обратиться к трудам текстологов и дать краткую текстологическую характеристику тем редакциям Патерика, которые стали материалом нашего исследования.

Учеными была проделана большая работа по изучению и систематизации многочисленных списков Патерика, а также по реконструкции его ядра. По мнению исследователей, формирование памятника относится к первой трети XIII в. Л. А. Ольшевская отмечает, что появлению этого текста предшествовал процесс создания и литературной обработки монастырского эпоса и ведения Печерской летописи [Ольшевская, 1999: 256]. Возникновение Патерика связывают с появлением «переписки» между владими́ро-суздальским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом. В своем послании Симон осуждает честолюбие и неиноческое поведение черноризца и в качестве примеров истинно праведной монашеской жизни прикладывает к поучениям девять рассказов о деяниях печерских святых: Онисфора, Евстратия, Никона, Кукши и Пимена, Афанасия, Святоши,

Еразма, Арефа, Тита и Евагрия. Поликарп же, продолжая дело своего духовного учителя, пишет послание игумену Печерского монастыря Акиндину, прикладывая к нему одиннадцать рассказов о печерских святых: Никите, Лаврентии, Агапите, Григории, Иоанне, Моисее, Прохоре, Марке, Феодоре и Василии, Спиридоне и Алимпии, Пимене. Кроме названных текстов, в ядро памятника также входят «Слово о создании церкви Печерской Симона» и летописное «Слово о первых черноризцах печерских». Все перечисленные тексты составляют реконструированную А. А. Шахматовым и Д. И. Абрамовичем Основную редакцию Киево-Печерского патерика, признаваемую частью ученых первоначальной [Конявская, 2006: 32]. Существует, однако, противоположное мнение, которое считаем необходимым обозначить, не останавливаясь на проблеме подробно. Такие исследователи, как Р. Попп и Е. Л. Конявская считают, что Основная редакция не является основой для более поздних переработок – Арсеньевской и Феодосьевской, – а наряду с ними восходит к некоторому неизвестному для нас протографу.

Однако, как было сказано выше, проблема реконструкции начального текста не является основной для этой работы. Для нас важно заключение ученых о том, что в первоначальном виде памятник не дошел до наших дней. Древнейшим же текстом является Берсеньевский список 1406 г. Арсеньевской редакции (далее – АР), составленной тверским епископом Арсением. С одной стороны, в результате переработки состав памятника расширяется за счет включения в него текстов, существовавших раньше в статусе литературного «конвоя»: «Жития Феодосия Печерского» и похвалы святому, а также летописного сказания о начале Печерского монастыря, которое, как отмечает Д. И. Абрамович, отсутствует в исследуемом нами Берсеньевском, а также в других списках редакции. С другой же стороны, из Патерика исключаются некоторые части, в том числе и послания Симона и Поликарпа, составлявшие, по замечанию Л. А. Ольшевской, каркас всего памятника. Такое изменение состава Патерика объясняют стремлением

тверского епископа понизить значение личностного начала, заключенного в эпистолярной части, и подчеркнуть общерусский характер перерабатываемого Киево-Печерского патерика, что было особенно важным в период борьбы за объединение русских земель на рубеже XIV – XV вв. Однако Л. А. Ольшевская также отмечает, что «в ряде случаев рассказы о печерских подвижниках сохранили религиозно-дидактические пассажи, где упоминаются имена владими́ро-суздальского епископа Симона, печерского монаха Поликарпа, игумена Киево-Печерской лавры Акиндина» [Ольшевская, 1999: 270].

Кроме названных изменений, в АР выборке подвергается «Слово о первых черноризцах печерских»: чаще всего выписываются рассказы о Дамиане и Иеремии (Берсеньевский список), в то время как житие Исакия сохраняется реже, а житие Матфея, как правило, отсутствует; из корпуса «слов» Поликарпа о печерских святых исключается рассказ об иконописце Алимпии. Изменяется и порядок следования частей: «патериковые жития затворников Никиты и Лаврентия не открывают циклов агиографических произведений Поликарпа, а следуют за рассказами об Агапите и Григории; житие Спиридона завершает Патерик, тогда как в редакции О (Основная редакция) оно читалось перед «словом» о многострадальном Пимене» [Там же: 271]; «Слово о создании церкви Печерской» Симона располагается после агиографических произведений владими́ро-суздальского епископа, в то время как в остальных редакциях оно предшествует собственно рассказам о святых.

В статье «Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу» (1969) Р. Поп отмечал наличие множества восточнославянских черт в языке Берсеньевского списка, отражающих, по мнению исследователя, особенности протографа Симона первой трети XIII в. К такому выводу ученый приходит, опираясь на данные о втором южнославянском влиянии, наблюдавшемся во время составления АР. Р. Поп пишет, что язык Берсеньевского списка считался в тот период устаревшим, и обращается к Кассиановским редакциям (1460 и 1462 гг.), в которых наблюдаются «устранение восточнославянизмов

и модернизация архаизмов», а также «стилистические замены, вызванные требованиями “украшенного” высокого слога» [Поп, 1969: 98]. Однако ученый не дает объяснения, почему восточнославянские черты сохраняются в АР, составленной во время второго южнославянского влияния. Р. Поп замечает, что идея о переработке целого памятника с сознательным внесением в него восточнославянских языковых особенностей редактором, работавшим в период к. XIV – н. XV вв., т.е. до создания АР, представляется немыслимой [Там же: 96]. Видимо, ученый считает, что переработка лингвистического материала в АР не была столь же масштабной, как в Кассиановских редакциях, однако в работе об этом прямо не говорится.

Кассиановские первая и вторая редакции (далее – КР_I и КР_{II}) были составлены в 1460 г. и в 1462 г., соответственно, печерским «крилошаниным», а затем «уставником» Кассианом. В состав Патерика возвращаются «Послания Симона и Поликарпа» и «слово» об Алимпии, а также включается сказание о начале Печерского монастыря, отсутствовавшее в Берсеньевском списке АР. Слово о первых черноризцах печерских дополняется рассказом о Матфее, при этом житие Исакия, которое, по мнению Л. А. Ольшевой, рано отделилось от летописного рассказа, читается отдельно, замыкая цикл рассказов Поликарпа [Ольшевская, 1999: 290]. Кроме того, памятник дополняется другими текстами «феодосьевского» цикла: о перемещении мощей святого Феодосия, об оковании гроба, ранее входивший в «Слово о создании церкви Печерской Симона», «Похвальное слово Феодосию», «Сказание о Нифонте Новгородском» и «Послание Феодосия Печерского князю Изяславу о латинской вере». В исследуемой нами КР_{II} по спискам к. XV – н. XVI вв. тексты расположены в следующей последовательности: Патерик открывается рассказами из «Слова о создании церкви Печерской» Симона (кроме рассказа об оковании гроба Феодосия Печерского); за ним следует сказание о начале Печерского монастыря, «слова» «феодосьевского» цикла, открывающиеся Житием святого (при этом между похвалой Феодосию и «словом» о Нифонте Новгородском находится

«Слово о первых черноризцах печерских»); «Послание Симона Поликарпу» и следующие за ним девять рассказов о святых; «Послание Поликарпа Акиндину» с одиннадцатью рассказами о черноризцах; завершается Патерик рассказом об одном из первых печерских черноризцах Исакии, «Посланием Феодосия о латинянах» и «словом» о преставлении преподобного Поликарпа.

Таким образом, приведенная текстологическая характеристика избранных редакций Киево-Печерского патерика демонстрирует тенденцию к постепенному расширению памятника. Отметим, однако, что в исследовании мы будем использовать только те части, которые совпадают в АР и КР_{II}: «Слово епископа Симона о создании церкви Печерской», агиографические циклы Симона и Поликарпа, исключая эпистолярную часть, а также «Слово о первых черноризцах печерских» (о Дамиане и Иеремии). Таким образом, анализу подвергнется первоначальный состав Патерика практически в своем полном объеме. Отмеченные в параграфе языковые особенности обеих редакций, позволяют предположить, что восточнославянизмы в АР и прослеживающиеся в КР_{II} черты второго южнославянского влияния отражаются на временной системе редакций в последовательном соблюдении узуальной нормы или возможных отступлениях от нее, выраженных в семантических или формальных отклонениях в употреблении и образовании простых претеритов.

2.2. Особенности употребления форм аориста

2.2.1. Значение форм аориста

Аорист является наиболее употребительным простым претеритом в текстах обеих редакций Киево-Печерского патерика. В результате анализа нами были выделены 1441 форма в АР и 1572 формы в КР_{II}, что соответствует 84% и 83% от общего числа простых прошедших времен. Всего же было проанализировано 3014 форм аориста.

Большая часть форм данного простого претерита в редакциях Киево-Печерского патерика употребляется в своем узувальном значении, выражая мгновенные или длительные, неделимые действия, целиком относящиеся к прошлому. Преобладание же аориста в анализируемом тексте объясняется повествовательным характером памятника. Как известно, данный претерит, в силу своего грамматического значения, участвует в построении текста, выражая последовательно сменяющиеся друг друга действия. Рассмотрим пример:

«Василь же *не преста* ропща, многу же беду *наведе* на нь Господь греха его ради. Кони вси *помроша*, и порты их *покрадоша*, и все сущее у них *взяша* татье, разве посланого злата и сребра. Отверз же посланое скровище на покование раце, *изят* оттуду пятую часть злата же и сребра, и *истеря* на потребу себе же и конем, и *не разуме* бывшаго гнева хулы его ради» (АР, л. 130 об. – л. 131).

«Василий же *не преста* же ропща, и многу бѣду *наведе* на нь Господь грѣха ради его: кони бо вси *изомроша*, и прочаа суть у них *покрадоша*, и вся *взяша* у нихъ татие, развѣ посланнаго у него съкровища. Отврѣзь же Василий посланнаго у него съкровище на окование рацѣвъ святаго, и *взят* оттуду пятую часть злата и сребра, и *историши* сие на потрѣбу себѣ и конем, и *не разумѣ* бывшаго гнѣва хулы ради его» (КР_{II}, 332).

В приведенном отрывке аорист выражает единичные, целиком отнесенные к прошлому действия, часть из которых не только следует друг

за другом в хронологическом порядке (*изят/взят, истеря/исторши* и *не разуме*), но и находятся в причинно-следственной связи: предшествующее событие является причиной последующего. Так, Василий *не преста* роптать, и после этого и поэтому Господь *многу бѣду наведе*; после того (и по причине), как воры все *взяша*, Василий использовал золото и серебро, которые были предназначены для *окования* раки святого. Действия, выраженные глаголами *помроша/изомроша, покрадоша* и *взяша* не связаны между собой никакими отношениями.

Стоит отметить, что данный отрывок в КР_{II} не подвергается существенному редактированию, хотя в нем и наблюдаются лексические замены глаголов. Однако в некоторых случаях в поздней редакции встречаются аористные формы, отсутствующие в АР:

«Паки же ин брат, болев много, *умре*. Некто же от друг ему *иде* в печеру, хотя видети место, иде же положитися хочет тело любимаго им» (АР, л. 177 об. – л. 178).

«Паки же инь брат, много болѣвъ, *умре*. И нѣкто же от другъ ему и губою *отре* его, и *иде* в печеру, хотя видѣти мѣсто, идѣже положитися хоцеть тѣло любимаго имъ...» (КР_{II}, 436).

Как видно из приведенного примера, в поздней редакции употребляется аорист *отре*, не представленный в Арсеньевской. Формы аориста в данном случае выражают единичные действия, целиком отнесенные к прошлому.

Рассмотренные в предыдущих примерах формы аориста выражают мгновенные, точечные действия в прошлом, однако, как видно из представленного в начале параграфа определения, данная временная форма способна обозначать и длительные, понимаемые пишущим как целые и неделимые, действия. В большей части случаев аорист реализуется в тексте Киево-Печерского патерика в первом значении, однако в памятнике все же встречаются формы «длительного» аориста:

«Бысть сему блаженному Онисифору сын духовный чернец и друг. Пояше же и подражаше же и, постник ся являя лжею, и целомудр ся творя, в тайне же яды и пия, и скверньно живой *проводи* лета своя» (АР, л. 105 об. – л. 106).

«Бысть сему блаженному Ансифору сынъ духовный, черноризецъ нѣкто и другъ по любви, иже не истиною подражаше житие того святаго: постникъ ся являся лжею и цѣломудръ ся творя, втайнѣ же ядый и пиа и сквѣрно живой *препроводи* лѣта своа» (КР_{II}).

Аорист *проводи/препроводи* выражает в данном отрывке состояние, продолжавшееся на протяжении какого-то периода, на что указывает временное обстоятельство *лета своя*. Вместе с тем, длительный аорист употребляется в контексте с формами имперфекта (*пояше* и *подражаше*), что позволяет увидеть разницу в функционировании простых претеритов. Можно предположить, что формы имперфекта в данном случае не просто показывают длительность обозначаемых ими действий, но выделяют их. Для книжника оказывается важным сам факт подражания черноризца жизни святого Ансифора, которое в действительности оказалось неистинным. Аорист же, хотя и выражает длительное состояние, понимается как цельное действие, не требующее особого выделения: достаточно указать на то, что монах жил так на протяжении нескольких лет.

В ходе анализа памятника нами были выделены случаи функционирования аориста с несвойственной ему грамматической семантикой: в значениях перфекта и плюсквамперфекта.

Перфект традиционно понимается как временная форма, которая «обозначала состояние, наблюдающееся в момент речи и являющееся результатом совершенного в прошлом действия» [Горшкова, Хабургаев, 1981: 306]. Многие ученые обращали внимание на возможное функционирование аориста в прямой речи в качестве формы, выражающей действие в прошлом, актуальное для момента речи. В научной среде данное явление оценивается по-разному. Некоторые лингвисты говорят о явном

нарушении нормы и связывают появление форм аориста с подобной семантикой с разрушением претеритарной системы и исчезновением аориста из живого языка (Г. А. Хабургаев, Б. А. Успенский и др.).

Согласно другой точке зрения, употребление данного простого претерита в перфектном значении (в определенном контексте) соответствует стандартной церковнославянской норме [Духанина, 2008: 154]. М. Н. Шевелева отмечает, что в отношении подобного функционирования аориста неправомерно говорить о грамматической неправильности и связывать его с изменениями в разговорном языке [Шевелева, 2020: 152]. Такой взгляд подтверждается данными старославянских памятников, в которых наблюдается колебание между формами аориста и перфекта, на что указывали такие исследователи, как А. Вайан, П. С. Кузнецов, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева и др. Приведем высказывание А. Вайана: «Выбор между аористом и перфектом нередко бывает факультативным, поскольку одно и то же действие может пониматься и как отнесенное в прошедшее, и как соотносительное с настоящим» [Вайан, 1952: 381 – 382].

Аорист с перфектным значением в патерике во всех выявленных случаях встречается в прямой речи, т.е. в потенциально перфективном контексте. Рассмотрим примеры:

«Что ради дом мой *оставих* и кого ради путь сий горкий шествую?» (КР_{II}, 332).

В качестве примера приведен отрывок из монолога боярина Василия, посланного в Печерский монастырь с золотом для окования раки святого Феодосия. Контекст – аорист выступает в однородном ряду с глаголом в форме настоящего времени – позволяет интерпретировать простой претерит как форму, выражающую действие в прошлом, результат которого соотносится с моментом речи: Василий оставил дом и теперь находится в пути.

В следующем примере аорист, употребляясь в прямой речи, так же функционирует в перфектном значении. Такой вывод следует из контекста, поскольку результат действия в прошлом виден в момент речи:

«...прииде Василий к нему, поим с собою некыя от чернец, и глагола печернику: «Сих *приведох* в послушьство...» (АР, л. 187).

«...прииде Василей к нему и, поимъ нѣкиа съ собою от старецъ, глагола печернику: «Сиа *приведохъ* в послушество...» (КР_{II}, 448).

Хотя данная работа посвящена изучению простых претеритов, все же считаем необходимым более подробно рассмотреть некоторые случаи употребления перфекта. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают взаимная мена аориста и перфекта. Как показал анализ редакций, в более поздней КР_{II} наблюдается 10 примеров употребления перфекта в соответствии с аористом в АР (при этом 5 из них – л-формы без глагола-связки, другие 5 – полные перфективные формы) и 3 примера, – аориста на месте перфекта (включая форму на -л без связки).

Выделенные формы перфекта со связкой функционируют в прямой речи в своем первоначальном значении в обеих редакциях. Рассмотрим примеры:

«О княже, достоит ти смотрити о своем здравии, а не тако губити плоть свою многым воздержанием, иже некогда отнемогшу ти не мочи понести наложеннаго ти ярма, иже сие *изволи* Бога ради» (АР, л. 116).

«Княже, достоит ти смотрѣти о своемъ здравии, и тако погубити плоть свою многым трудомъ и въздержаниемъ, иже иногда изънемогъшу ти, не мощи имаши понести наложеннаго ти ярма, егоже *еси изволилъ* Бога ради» (КР_{II}, 376).

Обращаясь к Святоше, отринувшему власть в угоду монашескому служению, его лекарь не одобряет воздержание, которое принял на себя бывший князь. В данном контексте перфектом обозначается действие в прошлом, результат которого актуален для описываемого момента: Святоша принял на себя «ярмо», в результате чего стал изнурять себя воздержанием и

работой. Однако, обращаясь к форме аориста, можно предположить, что в данном случае он использован так же в соответствии со своей грамматической семантикой и выражает действие, целиком отнесенное к прошлому. В этом проявляется свойственное данным претеритам колебание, о котором писал А. Вайан, являющееся причиной трудностей, возникающих при их интерпретации.

Обратимся к другому примеру:

«...глаголящи: “Муж мой убьен бысть на полку с тобою, Ты же *да* ми волю, да его же восхощу, поиму в дом мой”» (АР, л. 168 – л. 168 об.).

«...глаголющи: “Самъ вѣси, яко мужь мой убиень бысть на брани с тобою, ты же ми *даль еси* волю, да егоже вьсхощу, поиму себѣ мужа”» (КР_П, 424).

Приведенные отрывки демонстрируют аналогичную ситуацию. Претерит от глагола *дати* может представлять собой и форму аориста, обозначающей действие, целиком отнесенное к прошлому и находящееся в ряду таких же действий (*убиень бысть*), и формой перфекта, которая актуализирует важность для момента речи обозначаемого ею события. Именно результатом данного воеводой обещания является возможность вдовы выкупить из плена Моисея Угрина, о котором идет речь в отрывке.

Аорист в поздней редакции может заменяться на причастие на -л без связки. Характерно, что такие формы не обладают перфектной семантикой и употребляются в контекстах повествования о событиях в прошлом, которые не являются актуальными для момента речи, т.е. фактически функционируют в аористном значении:

«Разумей, брате, что сего преславнее начала и основания: Отец свыше *благослови* росую и столпом огнем, и облаком светлом, Сын меру *дарова* своего пояса <...> Святый же Дух огнем невещественном место *сравни* на водружение корения, и на сем камени *сгради* Господь церковь сию...» (АР, л. 137).

«Разумѣйте, братиа, основание, начало еа: и Отець свыше *благословиць* росою, и столпомь огненнымь, и облаком свѣтлым; Сынъ мѣру *дароваль* своего поаса <...> Святыи же Духъ огнемь невещественным яму *ископа* на въдружение кореня, и на семь камени *съгради* Господь церковь сию...» (КР_{II}, 306).

В данных примерах грамматическая семантика форм на -л не содержит компонента результативности, а выраженные ими действия целиком относятся к прошлому (речь идет о временах основания Успения Богородицы в Киево-Печерском монастыре). Кроме того, данные претериты употребляются в контексте с формами аориста (*ископа*, *съгради*), семантически не отличаясь от них, т.е. выступают в значении аориста.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, аорист в обеих редакциях патерика, употребляясь в контексте прямой речи, мог функционировать с перфективной семантикой. Во-вторых, сопоставление АР и КР_{II}, а именно случаев употребления в тождественном контексте аориста и перфекта, говорит о существующем колебании в употреблении этих форм. Использование в тексте той или другой формы может зависеть от коммуникативного намерения писца.

Кроме перфектного, аорист также выступает в контекстно обусловленном значении плюсквамперфекта – формы, выражающей действия, предшествующие другим событиям в прошлом. Аорист с подобной семантикой функционирует исключительно в придаточных предложениях, следующих за главными:

«Си рек, преставися и положен бысть в пещере, иде же сам *ископа*» (АР, л. 182).

«Сиа рекъ, блаженный Марко преставися о Господѣ, и положенъ бысть въ пещерѣ, идѣже самъ себѣ *исъкопа*» (КР_{II}, 440).

«И си рек братии, нача исповедати грехы своя, елико *створи*...» (АР, л. 122).

«И сиа рекъ братии, и нача исповѣдати грѣхы своа, елико *сътвори...*» (КР_{II}, 384).

Таким образом, анализ функционирования аориста позволил установить, что данный простой претерит чаще всего употребляется в своем первоначальном грамматическом значении. В тексте памятника также встречаются случаи его функционирования в контекстных значениях перфекта и плюсквамперфекта, что соответствует церковнославянской норме стандартных текстов. Однако выявленные факты употребления в поздней редакции л-форм в аористном значении позволяют говорить о разрушении старой претеритарной системы.

2.2.2. Функционирование аориста от *быти*

Отдельного рассмотрения требует функционирование в Киево-Печерском патерике глагола *быти*. Как известно, аорист мог образовываться от двух основ данного глагола: от основы инфинитива *бы-* и от имперфективной основы *бѣ-*. Анализ памятника показал, что эти варианты обладают специфической грамматической семантикой и последовательно употребляются в определенных контекстах. Рассмотрим подробнее функционирование каждой из этих форм.

Для аориста, образованного от инфинитива, характерно употребление в качестве связки в конструкции *быти* + *страдательное причастие*, выполняющей функцию сказуемого:

«*Основана же бысть* церки си в лето 6500...» (АР, л. 128).

«*Основана же бысть* Божественаа сиа церьки Богородичина в лѣте 6581» (КР_{II}, 304).

«К сему *приведен бысть* некто от Киева беснуяся...» (АР, л. 157 об.).

«И к сему *приведень бысть* нѣкий челоуѣкъ от Киева беснуяся...» (КР_{II}, 396).

«От сих един болный *принесен бысть* в Печерский монастырь...» (АР, л. 145).

«И от сих единъ болный *принесень бысть* в Печерский монастырь...» (КР_{II}, 398).

В приведенных примерах данная конструкция выражает единичные, целиком отнесенные к прошлому действия, что соответствует семантике данного простого претерита.

С этой же семантикой употребляются и сочетания *быти* + *именное прилагательное*, в которых глагол функционирует в значении ‘становиться’:

«“Заутра свѣщается церкы Печерская, да будеши тамо”, и яже точию слышах, ти тако *сдрав бых*...» (АР, л. 143).

«“Заутра свѣщается церкы Печерская, да будеши тамо”. Якоже точию слышах – и тако *здрав бых*...» (КР_{II}, 314).

Аорист от основы *бы-* мог употребляться в значении ‘происходить’, ‘случаться’, выражая при этом единичное, цельное действие в прошлом:

«В ту ночь *бысть* буря велия на реце...» (АР, л. 138 об.).

«В ту же ночь *бысть* буря велика на рецѣ» (КР_{II}, 308).

«Пумин же игумен в мнозе недоуменьи быв о страшней вещи, со слезами моляше Бога о спасеньи душе братня, и *бысть* ему явление некое...» (АР, л. 107 об.).

«Пиминъ же игумень, въ мнозѣ недоумѣнии бывъ от страшней сей вещи, съ слезами моляше Бога о спасении души братнѣй. И *бысть* ему явление от Бога нѣкое...» (КР_{II}, 364).

Аорист от основы *бы-* употребляется в памятнике и в бытийном значении, когда необходимо констатировать факт существования лица или предмета:

«...*быста* два мужа некая от великих града того, друга себе, Иван же и Сергей» (АР, л. 140 об.).

«*Быста* два мужа нѣкаа от великих града того, друга себѣ, Иоаннъ и Сергей» (КР_{II}, 310).

«**Бысть** во дни преподобнаго игумена Никона брат един именем Никита» (АР, л. 154).

«**Бысть** въ дъни преподобнаго игумена Никона братъ единъ, Никита имянемъ» (КР_{II}, 392).

В приведенных примерах формы аориста выражают цельное состояние существования в прошлом.

Аорист от имперфективной основы *бѣ-* выражает некоторую постоянную, длительную характеристику лица или объекта. При этом данная временная форма употребляется, как правило, в придаточных предложениях и выступает в качестве причины событий главного предложения. Рассмотрим примеры:

«Минувшем же днем 14, **оста** мних един жив, **бе** бо **постник** от млада ногот» (АР, л. 108 об.).

«Минувшимъ же днемъ 14, **оста** мнихъ единъ живъ, **бѣ** бо **постникъ** от младых ноготь» (КР_{II}, 366).

Имперфективная основа аориста глагола *быти* указывает на то, что монах был постником с раннего детства, и именно это помогло ему одному выжить (*оста живъ*).

«Егда кто от братия разболяшесе, сий, оставив келию, **не бе** что крадомаго, пришед к болящому брату...» (АР, л. 144).

«И егда кто от братиа разболяшесе, и тако остави кѣлию свою, приходяще ко болящему бра-ту и служаще ему, – **не бѣ** бо ничтоже крадомаго в кѣлии его...» (КР_{II}, 398).

В данном примере аорист от имперфективной основы выражает постоянное состояние: монах уходил к болеющим братьям и оставлял свою келью, так как в ней **не было** ничего, что можно украсть.

Таким образом, проведенный анализ употребления форм аориста глагола *быти* от основы инфинитива и имперфективной основы позволяет говорить о том, что данным временным образованиям были свойственны

специфические значения, соответствующие значениям аориста (основа *бы-*) и имперфекта (основа *бѣ-*).

Кроме описанных выше конструкций в редакциях Киево-Печерского патерика употребляется особое устойчивое сочетание аориста от глагола *быти* и действительного причастия настоящего времени – «перифрастическая конструкция», по терминологии П. В. Петрухина. Как отмечает ученый, она представляла собой кальку с греческого выражения и часто выступала именно в книжных текстах, как переводных, так и оригинальных, в качестве основного предиката [Петрухин, 2016: 180 – 181]. Перифрастическая конструкция не имела «собственной “семантической ячейки” во временной системе», что выражалось в возможности ее замены любой другой временной формой; чаще всего подобная конструкция употреблялась в прошедшем времени и соответствовала имперфекту [Там же: 181].

Перифрастические конструкции встречаются в обеих редакциях Киево-Печерского патерика, однако в КР_{II} нами было выявлено 9 подобных форм, в то время как в АР – 5. Рассмотрим примеры их употребления:

«Наставши же нощи, придоша трие си, и запроша мниха в погребѣ, иде же *бе моляся*» (АР, л. 151 об.).

«Наставши же нощи, придоша сие трие и запроша мниха в погребѣ, идѣже *бѣ моляся*» (КР_{II}, 408).

Состояние, в котором пребывал монах, обозначаемое перифрастической конструкцией, может быть понято как длительное, выделенное на фоне единичных действий, выраженных аористами (*придоша, запроша*), что может соответствовать семантике имперфекта.

Анализ памятника показал, что в 5 случаях подобные конструкции употребляются в обеих редакциях в одном контексте. Оставшиеся 4 формы функционируют только в КР_{II}, а в АР им соответствуют другие сочетания:

«Не терпя же старый враг прогонения от него, не мога инем чим житию его спону створити, наусти злыя человеки, да покрадутъ. И *не бе* бо ничто иного крадомага, разве книг» (АР, л. 149 об.).

«Не терпя же старый врагъ прогнания от него, не могый чимъ инемъ житию его спону сътворити, и научи злыя человекы, да покрадутъ его. *Не бѣ* бо иного ничтоже *имѣа*, развѣ книгъ» (КР_{II}, 406).

В АР употребляется аорист от имперфективной основы, обозная обычную, постоянную характеристику состояния монаха: «у него не было ничего, что можно было бы украсть, кроме книг». В КР_{II} перестраивается предложение и в качестве активного участника выступает сам монах. Перифрастическая конструкция *не бѣ имѣа* выступает в значении ‘он ничего не имел’, выражая при этом постоянное, длительное состояние.

Стоит также отметить, что во всех подобных конструкциях, встречающихся в патерике, в качестве связки выступает аорист от имперфективной основы *бѣ*-.

2.2.3. Аномальные формы с глаголом *быти*

Отличительной особенностью языка КР_{II} является наличие в тексте специфических конструкций, имеющих вид *быти* + *аорист*. Подобные сочетания уже привлекали внимания ученых, приписывающих им гиперкорректный характер (Б. А. Успенский, А. В. Духанина и др.).

Опираясь на мнение Б.А. Успенского (1987) и собственные изыскания, отраженные в диссертационной работе 1986 г., М. Н. Шевелева отмечает, что вспомогательный глагол воспринимался древнерусскими книжниками как показатель письменности [Шевелева, 1993: 135]. Однако исследовательница придерживается мнения о существовании иной причины для появления подобных конструкций. По мнению М.Н. Шевелевой, функционирование в тексте конструкций типа *быти* + *претерит* говорит о северо-западном происхождении памятника, поскольку именно для письменной традиции

этих территорий характерно отношение к аналитическим формам как маркерам книжного характера текста [Там же]. Эту тенденцию исследовательница связывает с новгородско-псковскими диалектными особенностями. Обращаясь к данным современных северо-западных говоров, она выявляет в них тождественные древнерусским конструкции с глаголом-связкой *есть/был* и смысловым глаголом. Проанализировав семантику подобных образований, М. Н. Шевелева приходит к выводу о том, что формы древнерусского глагола *быти* (как и диалектного *был*) «вносят <...> значение подчеркивания достоверности прошедшего действия, реальности его существования» [Там же: 146].

Отметим, что в этой же работе исследовательница утверждает, что в северо-западной письменной традиции аналитические формы прошедших времен оказывались гораздо употребительнее, чем в московской. Комментируя данную тенденцию, М. Н. Шевелева пишет: «...это проявляется в тех случаях, где семантика контекста допускает выбор аориста/перфекта или аориста (имперфекта)/плюсквамперфекта» [Там же: 150]. В связи с этим наблюдением обратимся к представленному ранее анализу случаев замены в КР аориста формами перфекта в тех случаях, когда контекст допускал двоякую интерпретацию значения временных форм. Анализ показал, что книжник последовательно использует формы перфекта вместо аориста с перфектной семантикой, что может косвенно говорить о северо-западном происхождении данного списка КР_{II}.

Обратимся к анализу конструкций *бысть/бѣ* + *аорист*. В КР_{II} было выделено 3 случая ее употребления. Рассмотрим данные формы подробнее:

«И сего ради пишу вам, яко вси вы вписании в молитву святого Феодосиа; той *бѣ обещася* отцу моему Симонови, якоже о своихъ черноризцех, тако и о нас молитися» (КР_{II}, 334).

«...и положена быста въ одѣжи кровавей и въ власяници, яже и донынѣ цѣла сущи: еаже *бѣ постыдѣся* огонь, како сиа тлѣнию причастится?» (КР_{II}, 454).

«...и не бысть никогоже въ церьки, иже бы отпѣль: «Кто есть царь славы?», *бѣ* бо ни единаго же въ церкви *оставиша*» (КР_{II}, 314).

Считаем, что в приведенных выше случаях рассматриваемая конструкция выступает в том же значении, которое определяет М. Н. Шевелева, т.е. подчеркивает реальность события в прошлом, делает акцент на его достоверности. Так, в первом примере важно указать на то, что святой Феодосий действительно пообещал вписать Симона и всех его потомков в свою молитву. Во втором отрывке особый акцент делается на том факте, что огонь не затронул одежды святых, что не просто усиливает его достоверность, но и заостряет противопоставление: если огонь действительно не повредил власяницам, то тлению они вовсе не подвержены.

Третий случай представляется несколько более сложным для интерпретации, поскольку в данном контексте значение конструкции приобретает оттенок предшествования другому событию в прошлом. Однако вслед за М. Н. Шевелевой мы считаем, что в данном случае главное – это указать, что в храме на тот момент никого не осталось, поэтому никто не мог бы ответить на пение. Дальнейший рассказ не приводится, однако после данного утверждения повествуется о том, что из совершенно пустой церкви раздался голос. Конструкция *бѣ оставиша*, таким образом, усиливает смысловую нагрузку дальнейших событий. Отметим, однако, что в данном примере глагол-связка и смысловой глагол не согласуются в числе.

2.2.4. Формальные отклонения в употреблении аориста

В результате анализа патерика нами были выделены 7 ошибочных форм аориста в АР и 28 – в КР_{II}. Среди них можно выделить следующие типы:

1. Ошибки в согласовании глаголов в лице и числе с именами (3 случая в АР и 6 – в КР_{II}): «*бых* свыше глас» (глагол 1 л., ед. ч., существительное 3 л., ед. ч.; КР_{II}, 298); «угнетаеми бремены, и *нача* въпити»

(причастие в форме мн. ч., аорист в ед. ч.; КР_{II}, 406); «и все мое злато и [среб]ро, и власть *дарова* ему» (местоимение 1 л., глагол 3 л.; АР, л. 168 об.) и т.д.

2. В отдельную группу можно выделить случаи ошибочного употребления числовых форм (4 примера в АР и 16 – в КР_{II}): «Она же, призвавша всю братию, *вопросиша*» (местоимение дв. ч., глагол мн. ч.; АР, л. 127); «черноризци <...> *не могаста* съвести ихъ» (существительное мн. ч., глагол, дв. ч.; КР_{II}, 406) и т.д.

3. Смешение окончаний аориста 3 л. мн. ч. (-ша) и имперфекта 3 л. ед. ч. (-ше) представляют собой особую группу отклонений, появление которых влечет как формальное рассогласование, так и семантическое несоответствие, проявляющееся в употреблении простых претеритов в несвойственном контексте. Подобные ошибки были обнаружены только в КР_{II} (6 случаев):

«Егда убо *разболяшеся* сий блаженный, видев его, лечець готовает зелия...» (АР, л. 118); «И егда убо *разболяшася* сий блаженный, и, видѣвъ же его, лечець приготовляеть зѣлиа» (КР_{II}, 378).

«*Стыдяше* же ся и от срама не могый исповедати к блаженному своего согрешения...» (АР, л. 172 об.); «*Стыдяша* же ся, от срама не могый повѣдати блаженному своего съгрѣшениа» (КР_{II}, 428).

«Имѣаше же сей блаженный малъ оградець, идѣже зѣлие *сташи* и древа плодовита» (КР_{II}, 406).

В приведенных примерах, на наш взгляд, представлено именно формальное отклонение, выраженное в смешении окончаний, а не семантическое нарушение, связанное с употреблением формы аориста в имперфектном значении. Показателен последний отрывок. Выделенный глагол в форме аориста, не соответствующей контексту, употребляется как однородный член формы имперфекта. Такое положение показывает, что книжник не различает окончания и сами формы.

Особый интерес представляет следующая форма аориста, выявленная в КР_{II}:

«...глаголаше: “Простите мя, отци, за немощь *недоконцахъ*”» (КР_{II}, 436).

В данной форме отражается так называемое «цоканье» или же неразличение аффрикат [ц', ч'], характерное для северновеликорусских говоров, в том числе новгородских [Горшкова, Хабургаев, 1981: 63], что также подтверждает предположение о северо-западном происхождении данного списка КР.

Таким образом, анализ языкового материала памятника позволяет выделить несколько типов значений, свойственных формам аориста. В основном формы данного простого претерита употребляются в своем первоначальном значении и обозначают мгновенные или длительные действия, цельные и полностью отнесенные к прошлому. Однако в зависимости от контекста аорист может функционировать с перфектной и плюсквамперфектной семантикой.

Анализ также показал, что формы аориста, образованные от разных основ глагола *быти*, выполняют в тексте специфические функции, однако их семантика соответствует значениям простых претеритов.

Кроме собственно временных форм аориста, в патерике функционируют и особые перифрастические конструкции, которые выражают постоянное состояние или характеристику лиц, что соотносится с имперфективной семантикой. Последовательное употребление форм аориста в узуальном-значении, а также в контекстно обусловленных значениях, не противоречащих стандартной норме книжного языка, использование специальных конструкций могут говорить о стремлении книжника следовать стандартной норме церковнославянского языка.

Однако употребление в тексте особых конструкций *аорист* от *быти* + *аорист* *смыслового* глагола, сформировавшихся по диалектным моделям, а также формальные ошибки, среди которых наиболее показательными

являются случаи смешения окончаний -ша и -ше, свидетельствуют о разрушении старой претеритарной системы.

2.3. Особенности употребления имперфекта

2.3.1. Значение имперфекта

В результате анализа памятника нами была выявлена 601 форма имперфекта: 280 форм в АР и 321 форма в КР_{II}, что соответствует 16% и 17% от общего числа простых претеритов в каждом из текстов. Большая часть форм функционирует в своем узуальном значении и выражает либо неограниченные длительные действия (состояния), выделенные среди других событий, либо – повторяющиеся действия.

Рассмотрим примеры употребления имперфекта подробнее.

«...завтра же, вставше, обретохомся близ Треполя, и лодия сама *идяше* възводу, акы некая сила *влечашеть* ю <...> Много трудихомся, гребуще вниз, а лодия горе *идяше* възводу» (АР, л. 139).

В приведенном примере имперфект действительно передает действие в процессе свершения, подчеркивая его длительность: ладья шла против течения какое-то неограниченное количество времени в прошлом. Однако стоит обратить внимание на то, что в контексте с формами имперфекта употребляется и аорист, так же обозначающий длительное действие (*трудихомся*). Можно предположить, что такое распределение временных форм обусловлено стремлением писца сделать акцент на определенных актах: выделенными, важными оказываются те из них, которые совершаются по божественной воле.

«Вшедшем же им в церковь, прииде игумен с братиею, и *не знаяше* исцелевы игумена и ни единого от тех 30, их же нарече, беснуяся».

«Вшедшимъ же имъ въ церковь, и прииде игумень съ всею братиею, и *не знааше* игумена исцѣливый и ни единого от тѣхъ 30, ихъже нарече, бѣснуася» (КР_{II}, 396)

Отрывок приводится из рассказа об исцелении Лаврентием бесноватого. Имперфект здесь так же, как и в предыдущем примере, не просто указывает на длительность состояния, но выделяет его, делая акцент

на том, что после изгнания беса исцелившийся больше не знал святых, которых называл по имени в состоянии безумия.

Длительность действий (состояний) вытекает и из условий контекста. Обратимся к примеру:

«...от глада и от жаже истончаем, овогда чрес день, овогда за два дни и за три ничтоже вкушая, *благодаряше* Бога о всех сих и *моляшеся* беспрестани, зиме же на снегу и на студени пометаем. Се же ему все *творяаху* половци, да даст на собе искуп мног» (АР, л. 111).

«...от глада и жажди скончеваемь, овогда бо чрезь день, овогда чрес два дни или за три дни ничтоже вкушаа. И *благодаряше* Бога о всѣх сихъ и *моляшеся*. Зимѣ же на снѣгу и на студении пометаемь. Се же все *творяху* ему окааннии половци, да дасть на собѣ искупь многъ» (КР_{II}, 368).

В приведенных отрывках описывается пребывание черноризца Никона в половецком плену. Выраженные формами имперфекта действия носят длительный характер, поскольку продолжались на протяжении всего времени заточения. Кроме того, можно предположить, что книжник специально выделяет их, поскольку для него важно показать, что именно происходило в плену, как вел себя святой.

Имперфект часто употребляется в описательных фрагментах, посвященных изображению жизни монахов, выражая при этом повторяющиеся или же постоянные, обычные для святых действия или состояния.

«...аще бо коли кто *принесяше* детищ болен, кацем любо недугом одержим *беаше*, или свершен человек кацем любо недугом одержим *прихожаше* в монастырь к блаженому Феодосью, *повелеваше* сему Демьяну молитву створити болящему, маслом святым *помазаше*, и *приимаху* ицеление приходящи к нему» (АР, л. 200).

«И аще убо когда *приношаше* кто дѣтищ боленъ, каковѣмъ убо недугомъ одръжим *баше*, *приношаху* в монастырь къ преподобному Феодосию, той же *повелеваше* сему Дамиану молитву сътворити над боля-

щимъ. И абие *творяше*, и маслом святымъ *помазываше*, и *приимаху* исцѣления приходящи к нѣму» (КР_{II}, 348).

Данный фрагмент посвящен рассказу о деяниях Демьяна, одного из первых печерских черноризцев. Из контекста ясно, что выраженные в формах имперфекта действия носят повторяющийся характер, поскольку исцеление больных для святого было обычной деятельностью.

Отметим, что некоторые действия во фрагменте из АР обозначены формами так называемого перфективного имперфекта, образованного от основ СВ (*принесяше*, *помазаше*) и функционировавшего в кратноперфективном значении, соответствующем приведенному контексту установившегося порядка. Однако в поздней редакции формы данного простого претерита от глаголов СВ заменяются на формы НСВ (*приношаше*, *помазываше*). Отметим, что использование имперфекта от основ с суффиксом *-ыва-/-ива-*, наблюдающееся в обеих редакциях, первоначально не было возможным. Употребление их в исследуемых текстах говорит об изменениях в претеритарной системе. Примечательно, что этот же отрывок, но в составе ПВЛ (как известно, «слово» о первых черноризцах печерских имело летописное происхождение), анализирует М. Н. Шевелева в статье, посвященной изучению функционирования форм имперфекта СВ [Шевелева, 2018: 191]. Сравнивая списки ПВЛ и Новгородскую первую летопись младшего и старшего изводов, ученый приходит к выводу о том, что употребление перфективного имперфекта характерно для первого типа текстов, в то время как в новгородских памятниках такие формы последовательно заменяются, что, по мнению исследовательницы, обусловлено диалектными особенностями.

В анализируемых редакциях Киево-Печерского патерика большее число форм имперфекта образовано от основ глаголов НСВ, однако, как было продемонстрировано выше, в текстах употребляется и перфективный имперфект. Стоит отметить, что различий в употреблении данных форм в

зависимости от редакций выявлено не было. Перфективный имперфект встречается как в АР, так и в КР_{II}:

«...и от сего прослу затворник, яко пророк есть, и велми *послушаху* князи и бояре» (АР, л. 156).

«И от сего прослу затворник, яко пророкъ есть; и велми *послушаху* его князи и боляре» (КР_{II}, 394).

Рассмотренная выше замена имперфекта СВ в более поздней редакции на форму, образованную от основы НСВ, не является последовательной, поскольку анализ материала показывает и противоположную ситуацию:

«...подавая тому от своа яди, еже *варяше* зелие...» (АР, л. 144 об.).

«...и подаваа ему от своа яди, еже *сваряше* зѣлие...» (КР_{II}, 398).

В приведенном примере на месте имперфекта от основы НСВ в более поздней редакции появляется перфективный имперфект.

Возвращаясь к анализу грамматической семантики данного простого претерита, отметим, что постоянство и неоднократность действия может подчеркиваться средствами контекста – временными и количественными обстоятельствами:

«Ощутив же Григорий приход ихъ, – и всегда бо по вся ноци *не спаше*, но *поаше* и *моляшеся* беспрестани, посреди кѣлиа стоа» (КР_{II}, 406).

«К сему некто от братия нашае часто *прихожаше*, смущаем быв от действия неприязнина на похоть телесную...» (АР, л. 159)

«Многажды же *смущаше* того врагъ и къ отчаанию хотя его привести нищеты ради истощеннаго богатства...» (КР_{II}, 444).

Анализ памятника также позволил выявить случаи функционирования консекутивного имперфекта:

«Съ же варяг пад на ногу старца, *моляше* сохранен быти от таковыа беды» (АР, л. 126).

«Сий же варягъ пад на ногу старцу и *моляшеся* съхранену ему быти от таковыа бѣды» (КР_{II}, 296).

«В едину же ночь придоша татие и *стрезяху* мниха, да егда идет на утренюю, и вшедше, возмут вся» (АР, л. 149 об.).

«Въ едину же ночь приидоша татие и *стрезяху* старца, да егда изыдетъ на утренюю, и шедше, възмутъ вся его» (КР_{II}, 406)

В приведенных примерах действия имперфект употребляется после форм действительного причастия (*над*) и аориста (*придоша/приидоша*) и обозначает новые действия. Грамматическая семантика данного простого претерита в таком случае соединяет в себе единичность (начало нового действия) и длительность (действие продолжается какое-то время).

В Киево-Печерском патерике также были выявлены формы имперфекта, обозначающие длительные действия, предшествующие другим действиям в прошлом. Приведем пример:

«И се уведев, брат его Изяслав присла, моляся и кланяся игумену, прося на благословенье хрестца иже у пароманаткы *ношаше*, и подушкы же, и колвице, на нейже *кланяшеся*» (АР, л. 120).

«...прося собѣ на благословение креста, иже у паремантии его, възглавница и кладкы его, на нейже *кланяшеся*» (КР_{II}, 382).

Отрывки приводятся из «слова» о князе Святоше, отказавшемся от мирской жизни и посвятившем себя служению в Киево-Печерском монастыре. В данных фрагментах рассказывается о брате святого, который после смерти Святоши прибыл в лавру, желая забрать вещи монаха. Из контекста следует, что выраженные имперфектом действия носили продолжительный характер и предшествовали другому событию в прошлом, а к моменту его свершения уже закончились.

Особого рассмотрения требуют обнаруженные в патерике, в АР, формы имперфекта от основы будущего времени *буд-*. Исследованием подобных образований занимались такие ученые как Э. К. Мустафина (1991), Ю. С. Маслов (2004), А. А. Зализняк (2008), Я. А. Пенькова (2012). Учеными данная форма рассматривается как имперфект СВ, функционирующий в кратном-перфективном значении [Пенькова, 2012: 326]. Э. К. Мустафина

рассматривает имперфект *будяше*, употребляющийся преимущественно в условных конструкциях, как форму «актуализирующую модальное значение ‘проявления, обнаружения’ признака» [Мустафина, 1991: 60]. Причину ее появления исследовательница видит в соотношении книжно-литературной конструкции с тождественной, используемой в живом языке или языке деловой письменности [Там же: 61]. Однако Э. К. Мустафина отмечает, что подобное образование не было устойчивым и, возможно, являлось изобретением Нестора или же относилось к «древнерусской школе книжности второй половины XI в.» [Там же]. Другие исследователи также указывают на архаичность формы имперфекта *будяше* [Пенькова, 2012: 333].

В АР Киево-Печерского патерика нами было выделено два случая употребления такой формы имперфекта.

«...и утешаше брата, и аще кому речаше что или добро, или зло *сбудяшеться* старче слово» (АР, л. 201).

В данном примере имперфект *сбудяшеться* функционирует в своем кратном-перфективном значении, поскольку контекст подразумевает повторяющиеся действия в прошлом.

«Темь ревнуя, сий блаженный Прохор легко преходя путь, иде же лобода *будяше*, и на своєю раму яко на крилу в манастирь приносяше...» (АР, л. 172).

В отрывке имперфект *будяше* выступает как форма, выражающая обычное состояние.

Стоит отметить, что в поздней КР данные формы исчезают из текста и заменяются на формы от основы глагола *бывати*: *сбывашесе* и *бываше*, соответственно.

2.3.2. Формальные отклонения в употреблении имперфекта

Список формальных нарушений, наблюдающихся при образовании и употреблении форм имперфекта, практически полностью повторяет тот

перечень, который был выделен нами при анализе форма аориста. В АР было обнаружено 9 отклонений, в КР_{II} – 21. Среди формальных ошибок выделяются:

1. Ошибки в употреблении числовых форм (2 формы в АР и 4 - КР_{II}): «И сему Африкану **бяху** два сына — Фриадъ и Шимон» (подлежащие в дв.ч., аорист в мн.ч.; КР_{II}, 296); «...ненависть вложи има, яко и в лице не **хотяху** видѣти другъ друга, и **уклоняхуся** друг от друга» (в рассказе речь идет о двух монахах, местоимение в дв.ч., глаголы – в мн.ч.; КР_{II}, 388).

2. Смешение окончаний аориста 3 л. мн. ч. -ша и имперфекта 3 л. ед. ч. -ше (АР – 1 случай, КР_{II} – 15 случаев): «И ту абие бѣси изъчезоша, и аггели възрадовашася, и **вписаше** въ милостыню погыбшее сребро» (КР_{II}, 388); «...ангели же възрадовашася и **вписаша**...» (АР, л. 123).

3. Формам имперфекта свойственна особая группа формальных отклонений, возникающих при образовании данного претерита от основ инфинитива V типа. Как известно, суффикс *-и-* при взаимодействии с суффиксом имперфекта сокращался до **j*, впоследствии влияющего на предшествовавший корневой согласный, смягчая его. Однако в некоторых формах имперфекта подобное морфонологическое чередование не отражалось: «в манастирь **приносяше**» (АР, л. 172) (при норме *приношаше*, что соблюдается в КР); «на свою кормлю **готоваше**» (АР, л. 172) (при норме *готовляше*, которая поддерживается в других примерах имперфекта от данной основы, употребляющихся в этом же рассказе). Всего было выделено 6 случаев неправильного образования форм имперфекта в АР и 2 случая – в КР_{II}.

Таким образом, функционирование имперфекта в редакциях Киево-Печерского патерика типологически соответствует функционированию аориста. Подавляющее большинство форм употребляются в соответствии со своим узуальным значением, выражая длительные или повторяющиеся действия в прошлом. Кроме того, в памятнике выделяются формы, функционирующие в значении консекутивного имперфекта, а также в

контекстно обусловленном значении длительного предпрошедшего времени. Однако отклонения при образовании форм имперфекта, а также смешение окончаний -ша и -ше, совпадающие с отклонениями в употреблении аориста, позволяют говорить о неразличении книжником этих форм. Эти факты могут свидетельствовать о разрушении старой претеритарной системы.

2.4. Соотношение простых претеритов и действительных причастий в редакциях Киево-Печерского патерика

Параллельное изучение нескольких редакций, списков одного древнерусского памятника представляется нам продуктивным, поскольку такой подход позволяет проследить динамику языковых изменений и, выявив тенденции их развития. Рассматривая Арсеньевскую и вторую Кассиановскую редакции Киево-Печерского патерика, мы выявили определенную связь между простыми претеритами и именными действительными причастиями прошедшего и настоящего времени.

По мнению исследователей, причастия принадлежат книжно-литературному языку стандартной нормы. В текстах эти формы употреблялись в функции «второстепенного сказуемого», описанной А. А. Потебней. Причастия были способны образовывать полупредикативные конструкции, выражая действие, предшествующее или происходившее одновременно с главным [Горшкова, Хабургаев, 1981: 350].

Этим, однако, их функции не ограничивались, поскольку именные причастия могли выполнять роль сказуемого в текстах. Как отмечает В. М. Живов, такое употребление не являлось нормой для книжного узуса и было обусловлено влиянием разговорной традиции. Характеризуя эту особенность, ученый называет ее «автономной предикативностью причастия» и считает ее выражением способности данной формы соединяться с помощью сочинительного союза с личными формами глагола [Живов, 1995: 57]. По мнению исследователя, «автономное предикативное причастие» возникает в результате смешения с простыми претеритами, что приводит к созданию единого претеритарного комплекса в сознании пишущего, в котором различия между причастиями и простыми прошедшими временами стирается [Там же: 58].

Изучая проблему употребления именных причастий, А. В. Сахарова отмечает, что именно в гибридных церковнославянских текстах становится

возможным функционирование данных форм в «одиночных независимых предикациях [Сахарова, 2007: 13].

В результате анализа патерика нами был выявлен достаточно устойчивый характер соотношения кратких причастий и простых прошедших времен. Так, аорист оказывается связан с кратким действительным причастием прошедшего времени, а имперфект – с кратким действительным причастием настоящего. Такое взаимодействие проявляется в частых случаях взаимной мены этих форм в двух редакциях. Сами же причастные формы могут функционировать в памятнике и как самостоятельные предикаты, и как «второстепенные сказуемые». Однако замена причастия на претерит и наоборот происходит, как правило, в тех случаях, когда данное именное образование употребляется как предикат.

Рассмотрим примеры:

«И елико же раздаваше, толико паче *множашеся*, и ничто же *взимашеся*, туне раздаваше комуждо...» (АР, л. 173 об.).

«И елико раздаваше, толико паче *множашеся*. И ничтоже *взимаа*, но туне всѣмь подаваше...» (КР_{II}, 430).

«Сам же орменин *остригся* в печерском манастири, живот бо *скончав* в добре исповеданьи» (АР, л. 149).

«Таже сий арменинъ *пострижесея* в Печерскомъ монастырѣ, и ту животь свой *сконча* в добре исповѣдании» (КР_{II}, 404).

Как видно из приведенных примеров, все именные причастия функционируют как самостоятельные предикаты. Кроме того, в первом отрывке из КР_{II} причастие *взимаа* соединено сочинительным союзом с имперфектом *подаваше*.

В памятнике встречаются случаи, когда формы аориста соотносятся с действительными причастиями настоящего времени, а формы имперфекта – с действительными причастиями прошедшего времени, что, как правило, приводит к отклонениям. Приведем пример:

«Тогда *исопше* от сосуда, в нем же бе запечатано, и пред всеми ищете, обретоша всю полну 500 сребра...» (АР, л. 132).

«Тогда *изсыпаше* от съсуда, в немже бѣ запечатлѣно, и пред всѣми изчетьше, обретоша все полно: 500 гривень сребра...» (КР_{II}, 334).

В КР_{II} на месте причастия прошедшего времени употреблена форма имперфекта, которая не соответствует контексту и выражает единичное действие, целиком отнесенное к прошлому.

Приведем еще один пример ошибочной замены:

«Егда кто от братия разболяшеса, сий, *оставив* келию, не бе что крадомаго, пришед к болящому брату и служаше ему...» (АР, л. 144 об.).

«И егда кто от братиа разболяшеса, и тако *остави* кѣлию свою, приходяще ко болящому брату и служаше ему, — не бѣ бо ничтоже крадомаго в кѣлии его...» (КР_{II}, 398).

Причастие прошедшего времени заменяется в поздней редакции на форму аориста, которая, однако, оказывается ошибочной, поскольку из контекста ясно, что ситуация и действия носят обычный, повторяющийся характер, что соответствует семантике имперфекта. Если обратиться к причастию в АР, можно предположить, что данная форма выступает не как самостоятельный предикат, а как уточняющее действие. Возможно, форма аориста употребляется в КР_{II} в имперфектном контексте из-за отождествления с формой причастия, замена могла произойти без осознания.

Еще одно наблюдение, которое позволило сделать сопоставление АР и КР_{II} – это возможность функционирования аориста и имперфекта в тождественных контекстах. Приведем примеры:

«Пребыв убо в поварницы 3 лет, работая на братию своима рукама, дрова *сека* на потребу варения горохови, многажды же и съ берега на своєю плещю воду носяше...» (АР, л. 115 – л. 115 об.).

«Пребысть же в поварни 3 лѣта, работаа на братию; своима рукама дрова *сѣкаше* на потрѣбу сочиву, многажды же и съ берега на своєю раму ношаше дрова...» (КР_{II}, 376).

В приведенном примере в одном контексте, но в разных редакциях употребляется аорист и имперфект от одной глагольной основы. Представляется, что в таком контексте подобное употребление правомерно. В АР аорист *сека* выражает длительное, цельное действие. Количественный актуализатор *многажды*, указывающий на неоднократность, характеризует только действие, выраженное имперфектом.

Однако в поздней редакции интерпретация действий могла измениться. В КР длительное действие, выраженное до этого аористом, также выделяется на фоне других событий.

Похожая ситуация продемонстрирована и в следующем примере:

«...сего блаженнаго Моисия *веде*, окована железы тяжкими по руце и по нозе...» (АР, л. 163 – л. 163 об.).

«...сего блаженнаго Моисѣа *вьдяше*, окованна по руцѣ и по нозѣ...» (КР_{II}, 418).

Таким образом, в результате сопоставления языкового материала АР и КР_{II} были выделены такие особенности функционирования простых претеритов, как их соотнесенность с краткими действительными причастиями. В некоторых случаях причастия функционируют как самостоятельные предикаты, что не было свойственно книжно-литературной норме. Кроме того, анализ показал, что, несмотря на достаточно последовательную взаимную мену простых претеритов и причастий, все же в таких случаях могут возникать отклонения, следствием которых становится употребление претеритов в несвойственном им значении.

Кроме того, в ходе сравнения были выявлены примеры функционирования аориста и имперфекта, образованных от основ одного глагола, в тождественных контекстах, что говорит о возможности колебаний в употреблении данных временных форм.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Киево-Печерский патерик представляет собой сборник рассказов о жизни и деянии святых отцов. Этот памятник является первым оригинальным древнерусским патериковым текстом, игравшим большую роль в письменности и культуре Руси. Создание патерика относят к XIII в., однако древнейшая дошедшая до наших дней рукопись датируется 1406 г. – Берсеневский список Арсеньевской редакции. Составление второй Кассиановской датируется 1462 г. Данная редакция оказала наибольшее влияние на дальнейшую переработку памятника. В исследовательской работе мы анализировали общие для обеих редакций рассказы о святых, которые практически полностью составляют содержание древнейшей, Основной, редакции.

В ходе анализа AP и KP_{II} нами было выделено 3014 форм аориста и 601 форма имперфекта в обеих редакциях: в AP 1441 форма аориста и 280 форм имперфекта, в KP_{II} – 1572 формы и 321 форма соответственно. Формы аориста преобладают и в AP, и в KP_{II} из-за повествовательного характера памятника и выступают в нарративе, выражая последовательно сменяющиеся друг друга действия. Имперфект же часто употребляется при описании жизни черноризцев, для передачи их обычных, повседневных деяний.

Анализ показал, что преобладающая часть форм аориста и имперфекта функционирует в своем узувальном значении. Аористы выражает мгновенные или длительные, цельные действия в прошлом. Имперфект же обозначает длительные или повторяющиеся действия, на которых необходимо сделать акцент и показать их протекание, а не просто констатировать факт свершения. В тексте патерика встречается консеквативный имперфект – форма, грамматическая семантика которой сочетает в себе точность и длительность, а также продвигает повествование наравне с аористом.

Кроме названных значений, простые претериты в определенных контекстах могли расширять свою семантику и выступать в значении других

претеритов: аорист – перфекта и плюсквамперфекта; имперфект – длительного предпрошедшего. Такое функционирование не противоречит нормативному употреблению, однако свидетельствует о семантических сдвигах.

Особое внимание в параграфе, посвященном аористу, было уделено употреблению аориста глагола *быти* от двух основ. Результат показал, что аорист от основы *бы-* употребляется в значении, тождественном аористному, в то время как формы, образованные от имперфективной основы – имперфектному. Кроме собственно временных форм, в патерике также функционируют особые перифрастические конструкции, близкие по значению имперфекту.

Все перечисленные выше особенности свидетельствуют о том, что Киево-Печерский патерик можно отнести к стандартным памятникам книжно-литературной нормы. Однако, с другой стороны, в памятнике встречаются формы, свидетельствующие о распаде претеритарной системы. К ним можно отнести особые конструкции *быти + претерит*, построенные по модели диалектных образований и выступающие как маркеры книжности, что говорит об отсутствии в сознании пишущих представления о семантике этих форм. Кроме того, выделяются случаи последовательной замены аориста на формы перфекта без связки, функционирующей в повествовательных фрагментах в аористном значении. В памятнике употребляются краткие действительные причастия в качестве самостоятельных предикатов, отождествляясь с простыми претеритами, что также выходит за рамки нормативности. Об утрате сложной системы прошедших времен могут свидетельствовать формальные отклонения, наблюдаемые в тексте патерика. В АР было выделено 16 ошибок (7 в формах аориста и 9 в формах имперфекта), в КР_{II} – 50 (28 в формах аориста и 21 в формах имперфекта). Особенно показательны случаи смешения окончаний аориста 3 л. мн. ч. и имперфекта 3 л. ед. ч. (-ша и -ше), что может говорить о неразличении форм аориста и имперфекта и об отсутствии их в языковом

сознании носителей и в живой речи. Характерно также, что такое смешение встречается практически только в КР_{II} (15 случаев из 16).

Особенно интересным представляется наблюдение над характером языка КР_{II}. Последовательная замена аориста формами перфекта со связкой, употребление конструкций типа *быти + претерит*, а также обнаруженная форма аориста, отражающая такую диалектную фонетическую особенность, как цоканье, позволяет сделать вывод о северо-западном происхождении исследуемого списка КР_{II}.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории языка, исследование различных памятников древнерусской словесности является важным, но «трудоемким» направлением в лингвистике. Сложности возникают при интерпретации тех или иных языковых явлений, что приводит к появлению множества подходов и точек зрения, что наблюдается и в отношении простых претеритов и системы прошедших времен древнерусского языка в целом. Многие вопросы, связанные с данными элементами, требуют дальнейшего всестороннего изучения.

Первый параграф теоретической главы был посвящен рассмотрению проблемы формирования и развития древнерусского литературного языка, а также определения особенностей языковой нормы периода XI – XVII вв. Литературный язык донационального периода, в отличие от современного, не является полифункциональным и обязательным для всего языкового коллектива, не обладает стилистической дифференциацией. Он складывается из разных регистров, каждый из которых обладает собственной традицией и разной степенью соответствия норме. Норма не кодифицирована, однако определенным образом отражается в образцовых текстах. Степень нормированности того или иного древнерусского памятника определяется соотношением в нем церковнославянских и восточнославянских языковых элементов, соответствие или несоответствие норме которых определяется не их происхождением, а функцией, закрепленной за ними. Система прошедших времен, в частности простые претериты, воспринималась как показатель книжности. Особенности функционирования прошедших времен дают представление о литературном или нелитературном характере памятника, отклонения в их употреблении могут говорить о реальной языковой ситуации Древней Руси, что в особенности касается простых претеритов, статус которых в живом языке до сих пор до конца не определен. Приведенные факты делают исследование этой системы особенно значимым.

Одной из задач, поставленных в начале работы, являлось рассмотрение существующих в научной среде взглядов на простые претериты, их семантические особенности, историю развития и утраты в живом древнерусском языке. Были проанализированы различные подходы к определению семантики простых претеритов, а также мнения, касающиеся существования данных временных форм в живом древнерусском языке.

Киево-Печерский патерик является первым оригинальным памятником данного жанра в древнерусской литературе и представляет собой собрание рассказов о печерских монахах, а также об основании Печерской церкви. Создание памятника относят к первой трети XIII в., однако оригинал рукописи не дошел до наших дней. Древнейшим списком признается Берсентьевский список Арсеньевской редакции, датируемый 1406 г. В работе мы исследовали 28 рассказов, присутствующих в обеих редакциях и практически полностью составляющих содержание протографа.

В результате анализа Киево-Печерского патерика были выделены и проанализированы 3614 форм простых претеритов, из которых большую часть составили формы аориста – 1441 примеров в AP и 1572 – в KP_{II}; на долю имперфекта пришлось 280 форм в AP и 321 – в KP_{II}.

Было установлено, что в большинстве случаев формы аориста и имперфекта, встречающиеся в тексте патерика, функционируют в своих узувальных значениях. Аорист выражает мгновенные или длительные цельные действия, полностью отнесенные к прошлому, а имперфект – длительные или повторяющиеся действия (состояния) в прошлом, которые выделяются на фоне других событий. В значениях, близких претеритарным, функционируют и аористы от глагола *быти*, образованные от основ *бы-* (аористная семантика) и *бъ-* (имперфективное значение). Анализ также показал, что семантика простых претеритов может трансформироваться под действием контекста, что выражается в функционировании аориста в перфектном и плюсквамперфектном значении и в употреблении форм имперфекта, выражающих длительные давнопрошедшие действия, а также

особых форм консекитивного имперфекта, сочетающих в себе семантические компоненты единичности и длительности. Подобные варианты реализации грамматической семантики претеритов допустимы с точки зрения нормы, хотя все же показывают возможность ее трансформации. Кроме собственно претеритарных форм, в текстах редакций были обнаружены особые книжно-литературные перифрастические конструкции *быти + краткое действительное причастие настоящего времени*, выступающие в качестве основного предиката. Приведенные факты позволяют отнести Киево-Печерский патерик к текстам стандартного книжного регистра.

Однако само использование форм простых претеритов в книжно-литературных памятниках не говорит об их функционировании в народно-разговорном языке этого периода. Об утрате сложной системы прошедших времен свидетельствуют обнаруженные в редакциях формальные ошибки. Всего в АР было выделено 7 отклонений в формах аориста и 9 – имперфекта (всего 16 ошибок), а в КР_{II} – 49 случаев отклонений: 28 в формах аориста и 21 в имперфекте. Среди формальных отклонений были обнаружены случаи рассогласования глаголов с именами, ошибки в употреблении числовых форм (в контекстах, требующих употребление глаголов в дв. ч.), специфические для имперфекта ошибки в образовании форм, а также случаи смешения окончаний аориста 3 л., мн. ч. *-ша* и имперфекта 3 л., ед. ч. *-ше*. Особенно показательными представляются последние, выступающие причиной употребления форм претеритов в несвойственном им контексте. Подобное неразличение книжником формальных показателей может говорить об исчезновении из сознания носителей языка специфического значения аориста и имперфекта и, как следствие, об утрате этих форм в живом древнерусском языке. На это также может указывать функционирование в КР_{II} специфических временных образований *аорист от быти + аорист смыслового глагола*, строящихся по моделям диалектных структур и функционирующих в тождественном им значении, а также

употребление кратких действительных причастий обоих времен в качестве основного предиката и их связь с простыми претеритами.

Количественное распределение отклонений в редакциях позволяет сделать вывод о том, что в более поздней КР_{II} стандартная норма соблюдается, однако не так строго. Отметим, что структуры *аорист быти + аорист смыслового глагола* встречаются только в данной редакции, а формы, в которых наблюдается смешение окончаний, практически во всех случаях наблюдаются в КР_{II} (15 случаев из 16).

Таким образом, поставленная цель исследования – описать особенности функционирования простых претеритов в Киево-Печерском патерике – была нами достигнута.

В перспективе дальнейшего исследования можно выделить два направления. Первое из них предполагает детальное изучение всей системы прошедших времен в рассмотренных редакциях. Продуктивность данного направления обуславливается связями между элементами внутри временной системы, что подтверждается рассмотренными в работе случаями замены претеритами друг друга. Второе направление носит экстенсивный характер и подразумевает дальнейшее изучение функционирования простых претеритов в других редакциях и списках Киево-Печерского патерика, что позволит рассмотреть особенности языковой нормы в разные периоды и на разных территориях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Пути стабилизации языковой нормы в России XI – XVI вв. // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 34 – 46.
2. Анисимова Е. Е. О развитии теории нормы в современной лингвистике // Язык. Закономерности развития и функционирования: Сборник к юбилею Н.Н. Семенюк. М.: Эйдос, 2010. С. 112 – 121.
3. Белова Н. А. Система форм глаголов прошедшего времени в новгородской письменности XIII – XIV вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 1999. 162 с.
4. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. 512 с.
5. Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 160 с.
6. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Иностранная литература, 1952. 447 с.
7. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1958. 143 с.
8. Герасимова И. В. Структурно-семантический и функциональный анализ глагольных форм прошедшего времени в старорусской письменной речи XV – XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 25 с.
9. Герасимова И. В. Структурно-семантический и функциональный анализ глагольных форм прошедшего времени в старорусской письменной речи XV – XVII вв.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2009. 203 с.
10. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
11. Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.

12. Духанина А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого: система глагола: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2008. 663 с.
13. Ежова М. Абсолютность или относительность имперфекта в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет») // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 62 – 81.
14. Живов В. М. Автономность письменного узуса и проблема преемственности в восточнославянской средневековой письменности // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М.: Наука, 1998. С. 212 – 247.
15. Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII – XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. 656 с.
16. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
17. Живов В. М. Usus scribendi. Простые претериты у летописца-самоучки // Russian Linguistics. 1995. Т. 19. № 1. С. 45 – 75.
18. Жолобов О. Ф. Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42). С. 5 – 11.
19. Жолобов О. Ф. О древнерусском имперфекте // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. кн. 5. С. 28 – 35.
20. Жолобов О. Ф. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 64 – 80.
21. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
22. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1990. 400 с.

23. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб: СПбГУ, 2010. 512 с.
24. Конявская Е. А. Древнейшие редакции Киево-Печерского патерика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 32 – 45.
25. Крысин Л. П. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 20 – 31.
26. Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 5 – 17.
27. Крысько В. Б. Об издании Скитского патерика // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 122 – 148.
28. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Изд-во Московского университета, 1953. 307 с.
29. Кузнецов П. С. Очерки исторической морфологии русского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 280 с.
30. Лопушанская С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола: учеб. пособие. Волгоград: Волгоградский университет, 1990. 114 с.
31. Мишина Е. А. Несколько наблюдений над употреблением перфективного имперфекта в древнерусском и старославянском (в напрасном ожидании редких форм) [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Mishina.pdf> (дата обращения: 10.06.2023).
32. Мустафина Э. К. Редкая форма имперфекта глагола быти в литературном языке Древней Руси // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М.: Изд-во Московского университета, 1991. С. 55 – 61.
33. Обнорский С. П. Русский литературный язык старейшей поры: Лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2010. 200 с.

34. Ольшевская Л. А. Типолого-текстологический анализ списков и редакций Киево-Печерского патерика // Древнерусские патерики / отв. ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1999. 494 с.
35. Пенькова Я. А. Финитные образования от основы буд- в языке памятников русской письменности XII – второй половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2012. 398 с.
36. Петрухин П. П. Лингвистическая гетерогенность в употреблении прошедших времен в древнерусском летописании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2003. 208 с.
37. Попова Т. Н. Формы прошедшего времени глагола в летописных текстах (на материале Новгородской I летописи младшего извода Московского летописного свода конца XV в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 1999. 196 с.
38. Поп Р. Древнейший отрывок Послания Симона Поликарпу // ТОДЛ. Т. 24. Л.: Наука, 1969. С. 93 – 100.
39. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI – XVII вв.: учеб. пособие по курсу «История русского литературного языка». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
40. Русинов Н. Д. Древнерусский язык: учеб. пособие для студентов филолог. и истор. Специальностей ун-тов и пед. ин-тов. М.: «Высшая школа», 1977. 208 с.
41. Сахарова А. В. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикации на причастные и финитные в Комиссионном списке Новгородской первой летописи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2007. 310 с.
42. Семенюк Н. Н. Норма // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 337 – 338.

43. Серегина Е. Е. Прошедшее время глагола в древнерусском тексте: грамматическое значение и литературная формула: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2006. 22 с.
44. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI – XVII вв.). 3-е изд. М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.
45. Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 42 – 54.
46. Хабургаев Г. А. Проблема диглоссии и южнославянских влияний в истории русского литературного языка (В связи с книгой Б. А. Успенского «История русского литературного языка /XII - XVII вв./») // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 111 – 125.
47. Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк: пособие для пед. и уч. ин-тов. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1952. 312 с.
48. Шахматов А. А. Очерк современного литературного языка: пособие для высш. пед. учеб. заведений. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1936. 198 с.
49. Шевелева М. Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом быти и их диалектные соответствия (К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы) // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 135 – 155.
50. Шевелева М. Н. Еще раз об имперфекте совершенного вида в восточнославянских памятниках // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 183 – 206.

Количественные показатели употребления аориста и имперфекта в Киево-Печерском патерике

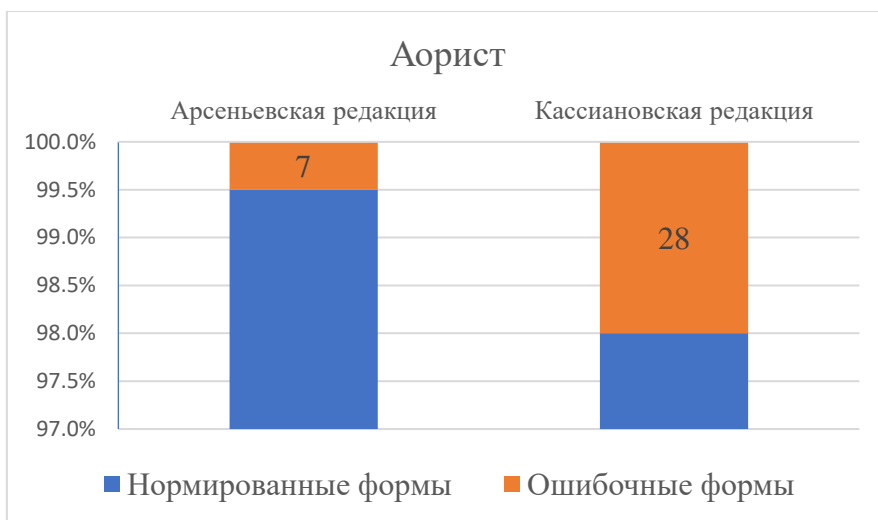

Рисунок 1. Нормативные и ошибочные формы аориста

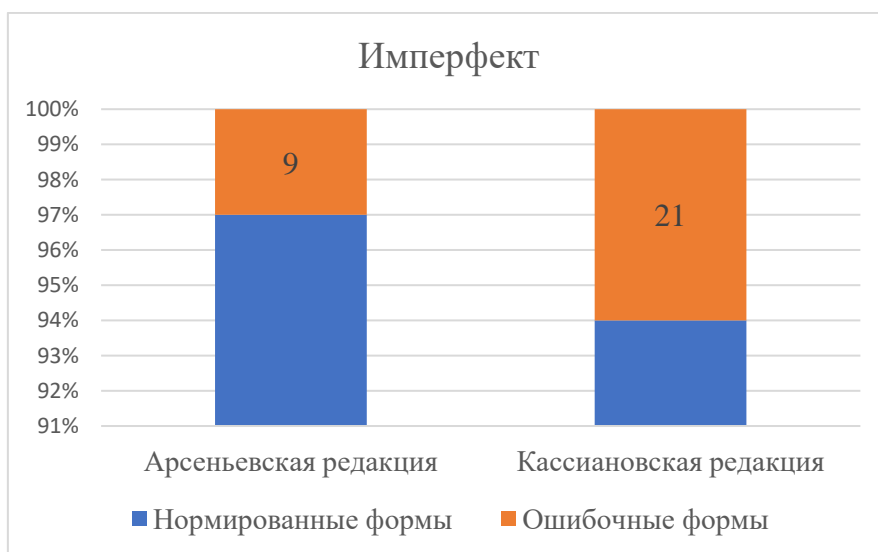

Рисунок 2. Нормативные и ошибочные формы имперфекта

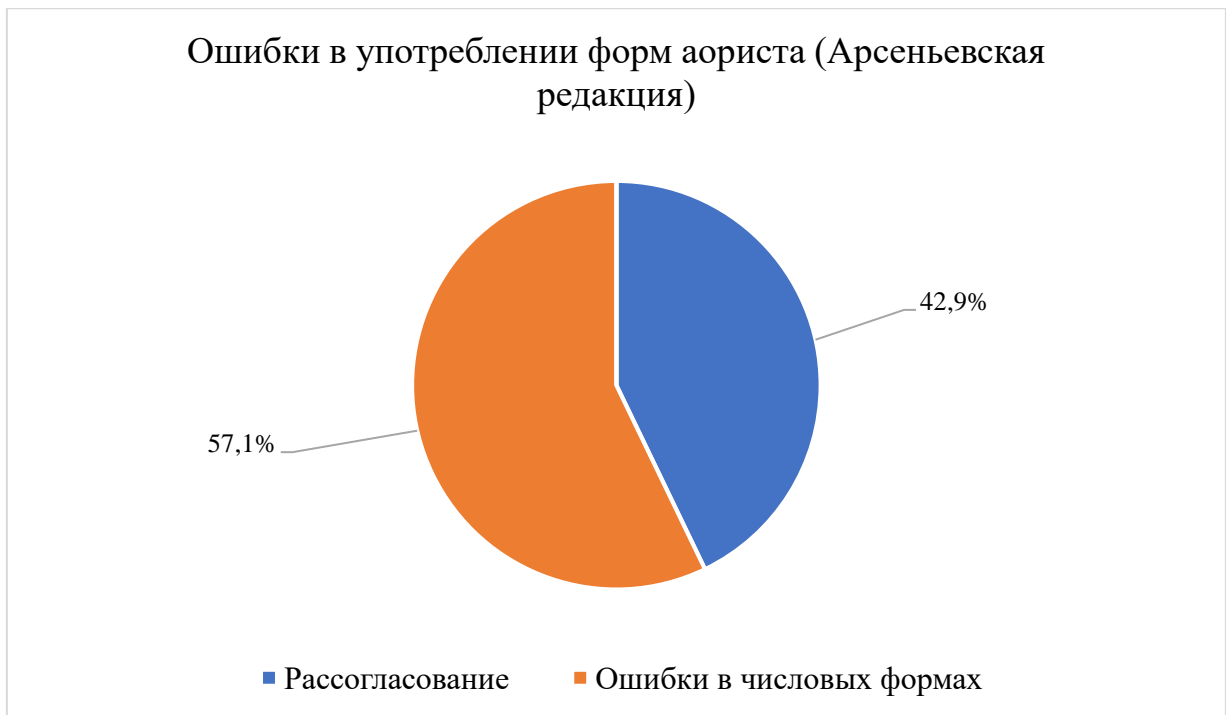

Рисунок 3. Ошибки в употреблении форм аориста (Арсеньевская редакция)

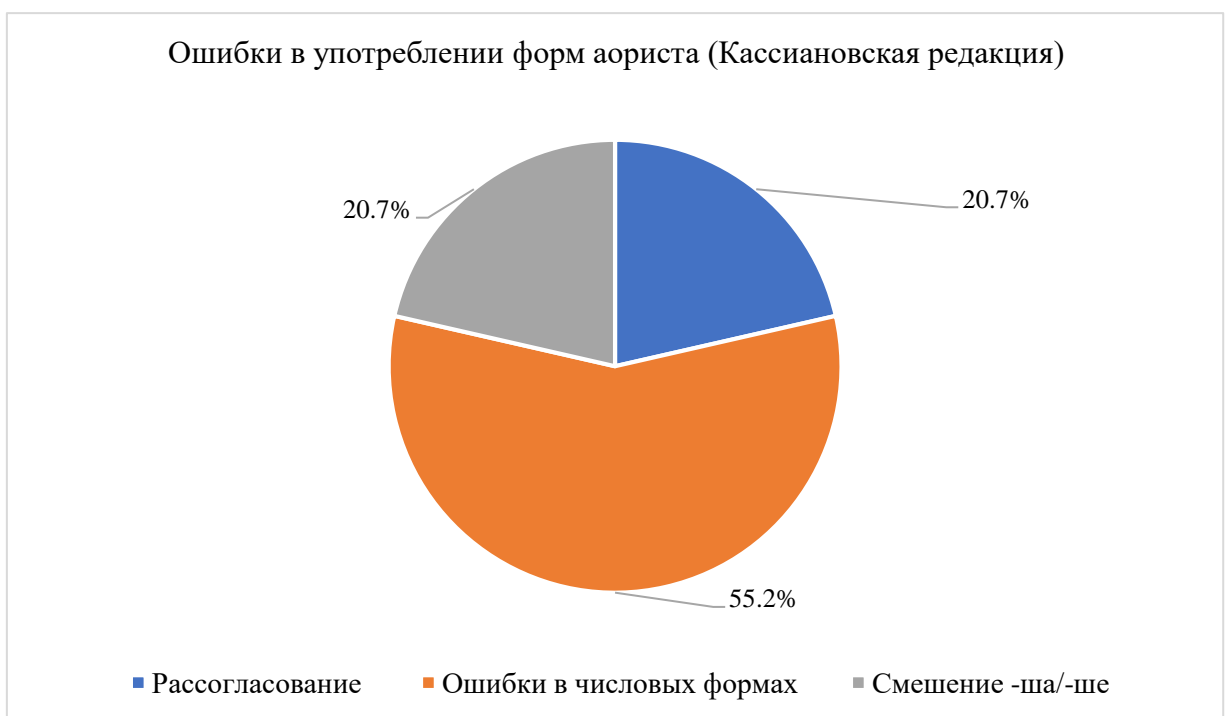

Рисунок 4. Ошибки в употреблении форм аориста (Кассиановская редакция)

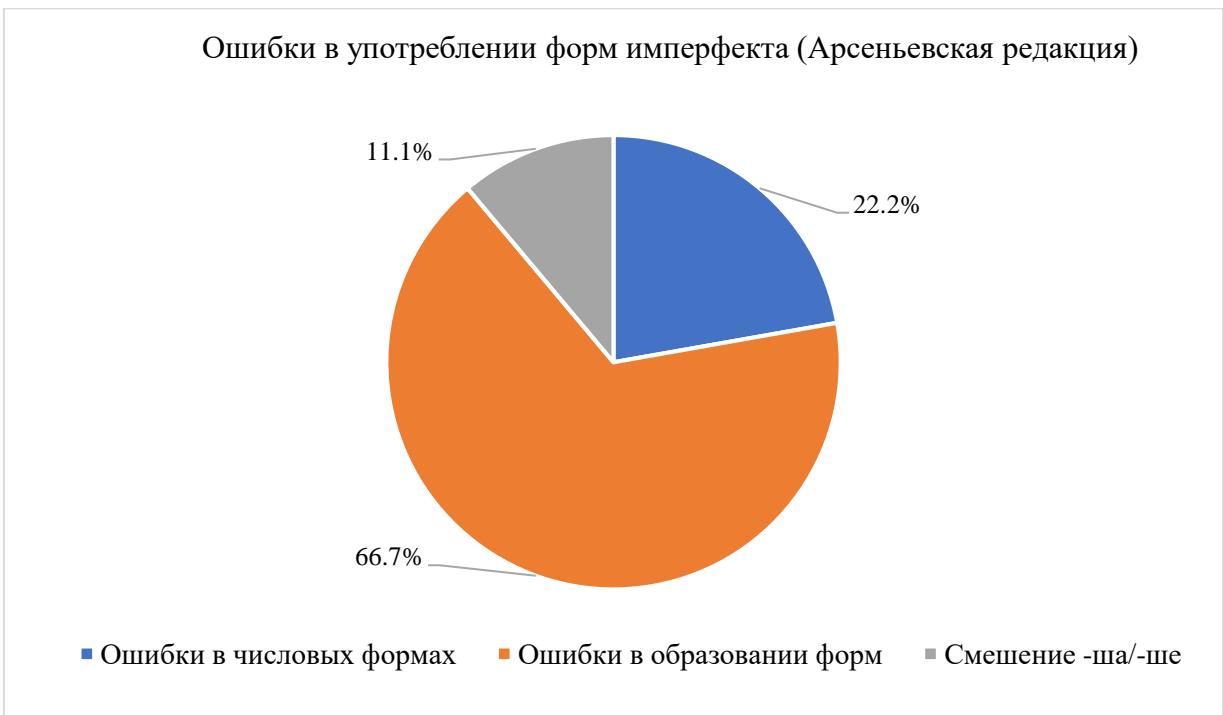

Рисунок 5. Ошибки в употреблении форм имперфекта (Арсеньевская редакция)

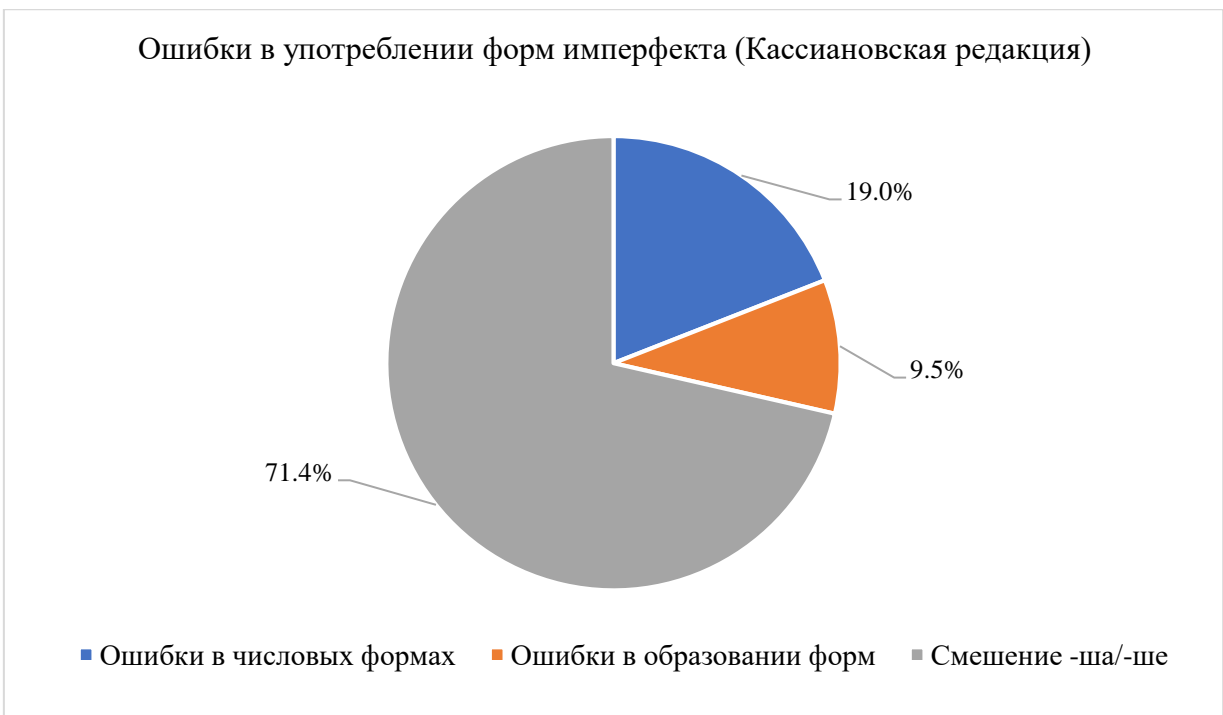

Рисунок 6. Ошибки в употреблении форм имперфекта (Кассиановская редакция)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой

 И.В. Евсева

« 03 » июля 2023 г

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.01 Филология

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АОРИСТА И ИМПЕРФЕКТА В КИЕВО-
ПЕЧЕРСКОМ ПАТЕРИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АРСЕНЬЕВСКОЙ И
КАССИАНОВСКОЙ РЕДАКЦИЙ)**

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. Е.А. Кудрявцева

Выпускник

Г.В. Соколова

Нормоконтролер

Е.Е. Чернакова

Красноярск 2023